

Николай Ольков

Собрание сочинений

4 том

Николай Ольков
Собрание сочинений. 4 том

«Издательские решения»

Ольков Н.

Собрание сочинений. 4 том / Н. Ольков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905022-9

В 4 томе опубликованы романы «Подлог», «Земля и воля», рассказы «Серебряный купол в голубом небе» и «Последнее откровение».

ISBN 978-5-44-905022-9

© Ольков Н.
© Издательские решения

Содержание

ПОДЛОГ	6
Повесть	6
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Собрание сочинений 4 том

Николай Ольков

© Николай Ольков, 2018

ISBN 978-5-4490-5022-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПОДЛОГ

Повесть

*Памяти Николая Петровича Хевролина,
бывшего 17 лет председателем
Казанского райисполкома Тюменской области,
обойденного наградами и памятью.*

Ранним майским утром в кабинет главного врача Пореченской районной больницы она вошла уверенной походкой человека, который знает, зачем идет, и знает, что ему не откажут. Все переживания, стенания, слезы и истерики остались там, в родном городе, а здесь, в сельской глуши соседней области об этом никто не знал и не мог догадываться – настолько уверенна и решительна была эта молодая женщина. И к тому же довольно красива – она сама об этом знала лучше других.

За час до того она устроилась в местную гостиницу, где не было даже горячей воды, вскипятила чайник, вымыла голову, сделала прическу, легкий макияж, надела серый костюм с юбкой, чуть зауженной и скрывающей округлые колени. Осмотрела себя в большом зеркале и осталась довольна: круглолица, черноброва, губки бантиком, глаза синие с искоркой, густые светлые волосы колышутся на голове при каждом движении. «Ну, Ирочка, с Богом! Если сегодня все получится, остальное я сделаю!».

Когда она спустилась в вестибюль, дежурная, молодая и любознательная особа, неожиданно спросила:

– Извините, вы артистка? Нас предупредили, что артисты должны подъехать.

Гостья улыбнулась:

– Нет, милая девушка, я – врач!

Она так резко это выговорила, что даже сама испугалась. «А ведь я впервые назвала себя врачом!» – мелькнуло в голове и тут же исчезло под выразительными взглядами двух вошедших кавказских мужчин.

В приемной главного стучала пишущая машинка, пожилая женщина, то ли секретарша, то ли завхоз, что-то старательно выдавливая из разбитого аппарата.

– Главный у себя? – спросила гостья.

Женщина махнула рукой в сторону кабинетной двери. Она постучала в фанерную обшивку и услышала мужской голос:

– Да, входите.

Петр Петрович Бытов, главный врач района, встал, увидев симпатичную незнакомку, несколько смутился и невпопад спросил:

– Вы ко мне?

Дама деликатно улыбнулась:

– Если вы главврач района, то я к вам, Петр Петрович!

Бытов широко улыбнулся:

– Извините, запарился с бумагами. Прошу вас, проходите, садитесь. Что вас к нам привело?

Дама чуть помолчала, достала из сумочки платок, поднесла к глазам:

– Я врач, терапевт, оставила мужа, мы не были зарегистрированы, оставила любимую работу и поехала, куда глаза глядят. Ваш район выбрала потому, что он тихий, вдали от городов, а мне так хочется душевного покоя. И, конечно, интересной работы. Ой, извините, Петр

Петрович, я не представилась: Ирина Николаевна Дзюбина. Папа писался Дзюба, а детям фамилию сделали русской. Видно, корни отца где-то на Украине.

– Да, страна наша огромна, – согласился главный. – А с работой проблем не будет. Давайте ваши документы.

Дама опять коснулась глаз:

– Есть только паспорт, а трудовую книжку и диплом муж не отдал, спрятал, думал этим меня удержать. На счастье, у меня сохранилась копия диплома, заверенная нотариусом, делала для военкомата при постановке на учет. Думаю, это вас пока устроит, а со временем я все равно вырву у этого подлеца диплом, там же и комсомольский билет...

Бытов рассмеялся:

– Ну, ваша партийность меня меньше всего интересует. Давайте копию.

Быстро посмотрев документы, Петр Петрович предложил:

– У нас не хватает терапевтов на приеме. Как вы на это смотрите?

Ирина Николаевна даже привстала со стула:

– Большое спасибо, Петр Петрович, но я бы не хотела оставаться в районном центре. Здесь все равно шумно, многолюдно. Вот сейчас в гостинице сказали, что артистов ждут. Если можно, отправьте меня в дальнюю участковую больницу. Деревня, хорошие люди, природа. Только бы с квартиркой решить, и мне больше ничего не надо.

Бытов удивился: сколько лет работает главным, но впервые дипломированный доктор отказывается от места в районной больнице и просится на периферию. Недавно на заседании райисполкома его крепко критиковали за плохую работу Березовской участковой больницы. Действительно, заведующий любит выпить, контроля никакого, давно бы заменил, но все молодые специалисты ехать в глухомань категорически отказывались. А тут сама просится. Бытов вздохнул: такая красивая женщина, да без мужа – это было бы так мило...

– Честно говоря, Ирина Николаевна, не хочу вас отпускать, признаюсь: вы бы украсили нашу больницу! Но – воля ваша. А что касается тишины и природы, это я вам обеспечу. Только, чур! – не подведите меня. Если вы через месяц откажетесь, меня в райкоме по стенке размажут.

Ирина Николаевна улыбнулась:

– Не сбегу и не откажусь, мое слово твердое.

Главный снял телефонную трубку:

– Барышня! А, это ты, Валя! Дай мне председателя Березовского сельсовета. Иван Васильевич? Везу вам нового заведующего больницей. Пусть Волокушин будет на месте, чтобы дела передать. И в больницу позвони, я не буду время терять. – Положил трубку. – Вот так, Ирина Николаевна. Ваши вещи в гостинице? Заедем.

Узик «Скорой помощи» легко бежал по твердой грунтовой дороге, Бытов время от времени посматривал на новоиспеченную заведующую и удивлялся: ее радости не было предела, все ее умиляло: и речка с деревянным ненадежным мостом, и десятки тракторов со сцепами борон, сеялок, и лес, зелеными языками разрывающий взрыхленную черную зябь. В гостинице Дзюбина переделалась в серый брючный костюм, и выглядела очень соблазнительно. Водитель Вася несколько раз ловил взгляды шефа и тихонько хихикал.

– Вот ваш больничный комплекс, Ирина Николаевна! – с пафосом произнес Бытов, широким жестом соединив несколько деревянных сооружений явно довоенного строительства. – Все это надо бы снести к чертовой бабушке, но строить некому. Ладно, потом разберетесь. Пошли к людям.

В небольшом кабинете заведующего сидели до десятка человек в халатах, которые Ирина не могла бы назвать белыми. Видимо, тут и врачи, их два, фельдшеры и медсестры, завхоз и кто-то еще.

– А где Волокушин? – сурово спросил Бытов.

– А то вы не знаете, где? С утра появился и ушел. Где-то с друзьями.

– Ладно, обойдемся без него. Товарищи! Разрешите представить вам новую заведующую участковой больницей Ирину Николаевну Дзюбину. Бухгалтера прошу помочь разобраться с материальными ценностями, а я в совет по части квартиры.

Часа в четыре Бытов приехал и, виновато глядя на Ирину, признался, что свободных квартир, конечно, нет, но он договорился с хорошими чистенькими стариками, и до лучших времен можно пожить у них. Ирина кивнула, попросила увезти на квартиру чемодан, предвзвительно вынув из него белоснежный врачебный халат и шапочку.

– Давайте мы договоримся так: завтра я познакомлюсь с каждым, а сегодня только одна просьба: на работе быть в совершенно белых чистых халатах. Мы ведь медицинские работники, правда? И должны всем показывать пример высокой санитарной культуры.

Эти слова особенно понравились женщинам, и коллектив расходился, дружно улыбаясь.

***

Старикам видно, льстило, что у них будет квартировать заведующая больницей. Они встретили гостью у ворот, поклонились:

– Проходи, дорогая, в передний угол, комнатку мы тебе приготовили, Ивановна даже новым комплектом постельного пожертвовала. Недавно отгуляли ее семьдесят, так профсоюз отблагодарил пакетом бывшую ударницу.

Ирина улыбнулась:

– Так, значит, хозяйка Ивановна, а хозяин?

– Ты не поверишь, но тоже Иванович, только я Александр, а она Александра. А вас как мы станем величать?

Гостя махнула рукой:

– Какое величание? Ирина, и все тут. Нам ведь жить под одной крышей.

Ее сразу пригласили к столу, но сначала посмотрела свою комнатку, маленькую горенку, это она потом узнает, что так зовут пристроенные к пятистеннику спальни. Железная кровать с большими шарами на дугах, две большие пуховые подушки: ткнула кулаком – по самый локоть рука провалилась. На стене ковер, грустная Аленушка оплакивает своего непослушного брата. Небольшое оконце завешено тюлевой шторкой и двумя половинками «задержушек» (позже узнает) с выбитыми на швейной машинке узорами.

На столе в большой сковороде стояла жареная картошка, огурцы и помидоры нарезаны крупными кусками, белый хлеб домашней выпечки, кринка с молоком.

– Ирина..., вот холера какая: неловко без отчества...

– Николаевна, – выручила Ирина.

– Так вот, Ирина Николаевна, требуется по стопке выпить за новоселье. Ивановна, разливай!

Ирина не стала отказываться, взяла большую рюмку и уловила запах самогона.

– Ничего, дочка, этот напиток целебный, он из чистого хлебушка, верно, дух страшной, а ты не дыши.

Ирина в несколько глотков выпила жгучую жидкость и быстро закусила огурцом. Потом ели деревянными ложками прямо из сковороды жареную картошку на кусочках соленого сала и вели разговоры. Говорил Александр Иванович:

– Тебе, дочка, шибко повезло, что попала в нашу деревню. У нас народ весь с одного места из-под Москвы переселен, с первого дня жили артельно и дружно. Тятя мой сказывал, что деревня была как общество, собирали сходы, это как собрания нынешние, только с пользой. Нынче-то проблаговостят три часа, а спроси после, об чем говорили – не каждый вспомнит. Опять же и пользы никакой. А тогда избирали старосту, назначали писаря, и без участкового был полный порядок. Я за малым не угадал на первую Германскую, годами не вышел, а потом

Колчак не побрезговал, погнали нас на Омск. Были середь нас и толковые мужики, наши деревенские, которые уже хлебнули мурцовки и ядов понюхали немецких, отчего и побросали оружия, и домой. Натакали нас, как надо действовать, ночью мы всех чужих перевязали, рты позатыкали, коней запрягли, и в домашнюю сторону. Красные остановили, кто, откуда, и велели в строй вставать. Как говорится, из огня да в полымя.

– Вернулись героями? – спросила Ирина.

– Знамо дело! Пятерых увезли на шахты, по суду, других попугали и отпустили. А тут и двадцать первый год, восстание. Понятно, что мы все пошли в отряды, надеялись прежнюю жизнь вернуть.

Супруга постучала по столу казанками:

– Лександро, ты добрякашь ботолом своим, «воронок» подрулит.

– Шура, кому я нужен в семьдесят-то лет!

– Тогда на месте порешат. Вон к заплоту приставят и пальнут.

Ирина заступилась:

– Александра Ивановна, что вы такое говорите? Никто не тронет. А новая жизнь вам чем не нравилась?

Старик помялся:

– Да как тебе сказать? Тем и не глянулась, что новая, другая. Тятя мой был человек, вся деревня кланялась, он на церкву, когда строили, сто золотых рублей положил, во как! А тут все переменялось: хлеб отдай, мясо отдай. А самому чем жить? За восстание нас, конечно, по головке не погладили, но, поговаривали мужики, испугалась власть, не всех ко стенке, хоть и брали. Верно, потом, перед войной, еще раз прошлись, у нас человек семь увезли, и с концом. А тут Гитлер. Как бы эти мужики сгодились! Не иначе, вредительство было среди НКВД, потому и подвели под монастырь Берию и прочих. Товарищ Сталин всех вывел на чистую воду.

Ирина оживилась:

– Вы Сталина хвалите, а как же культ личности, и из мавзолея вынесли?

– Дорогая ты моя, да потому что дураки! Вот тебе крест, хоть я и не шибко верующий! Народ со Сталиным войну победил, а они его обосрали, не за столом будь сказано. Зависть и низость, больше ничего.

– Вы про церковь говорили...

– Вот еще одна дурь. Такая красавица стояла, любо посмотреть, нет, всю раздолбили, и ничто в дело не пошло. Школу склали кирпичную, она каждый год по два раза горела, пока не прикрыли. На гать вывезли тысячу подвод со щебнем – седни привезли, к утру нету, ушел в землю.

– Вы считаете, что Бог наказывал?

– А кто? Не райком же. Бог и наказал. Все, кто ломал, хоть и по наряду, все полегли на фронте. Я только кирпич и щебень возил, и то мне осколок достался, за что и благодарю Господа.

Ирина удивилась:

– Александр Иванович, вы же сказали, что не шибко верующий.

– А где ты теперь сыщешь верующих-то настоящих? Я тебе так скажу: от Бога отвернули народишко, а к Ленину он не прислонился. Оттого и болтаюсь, как говно в пролубе. Нам бы жить сейчас – с табаретки не достать, а мы все в резиновых калошах ходим. На днях гляжу: Рома Носастенький идет, спрашиваю: «Далеко отправился, на ночь глядя?». Отвечает: «На партейное собранье». «А почто в калошах?». «А нам, коммунистам, нечего скрывать, вот купил новые калоши, пусть все видят». Вот скажи мне, ты врач, грамотный человек: разве так можно людьми руководить, когда калоши заместо хромовых сапогов в народе?

Ирина помолчала, потом спросила:

– Александр Иванович, вы же говорили, что народ у вас работающий и дружный. Почему тогда так плохо живете?

– А вот я скажу. Наняли мы один год пастуха коров пасти деревенских, и что ты будешь делать!? Корова домой приходит, а молока нет. С неделю такое, а потом обнаружилось, что не только у нас, по всей деревне так. И пошли посмотреть, а как же пастух наш молочко нам нагуливат? И нашли, что он с утра весь табун сгуртовал в старый колхозный загон, а сам посыпат на вольном воздухе. А ведь травы кругом выросли – ноги не протащить.

– Вы хотите сказать, что от пастуха все зависит?

– Конечно, от пастуха.

– Крамольные ваши разговоры, Александр Иванович, вы бы в самом деле с ними поаккуратней.

– А я, Ирина Николаевна, на митинги не хожу. Так вот со старухой порассуждаю, да вот ты появилась, тебе пожалился. Я же битый, все понимаю. Ежели вслух сказать, могут и в самом деле припаять статью, это у нас за всяко просто. Ну, еще по рюмочке?

Ирина отказалась. Выпила стакан еще теплого вечернего молока, поблагодарила хозяев.

– Мы с вами должны обговорить условия моего проживания. Александра Ивановна, готовить у меня времени не будет, так что рассчитывайте и на меня. И за комнату – сколько все это будет стоить?

Хозяева посмотрели друг на дружку, улыбнулись:

– Дочка, ты про это не думай и в голове не держи. Ничего с тебя брать не станем. Другое дело, если прикупишь чего, чтобы бабка скусней приготовила.

Ирина запротестовала:

– Ну, так же нельзя, Александр Иванович!

– Так должно быть между людьми, где это видано, чтобы за выручку с человека деньги брали? Забудь. А еще раз заикнешься – обидишь кровно.

***

Заведующая пришла в больницу в семь часов утра, у входа ее поджидал мужчина довольно пожилого возраста, явно злоупотребляющий спиртным. Вид и запах выдавали его окончательно. Она поняла, что это Волокушин.

– Простите, Ирина Николаевна, вы меня уже уволили?

– Еще нет. Проходите в кабинет. Я собираюсь работать долго и хорошо, потому мне нужны надежные и деятельные помощники. Вы, как я понимаю, таковым не являетесь. Что ответите на эти слова?

Волокушин пожал плечами:

– Вы все сказали правильно.

Ирина удивилась такой податливости:

– Вы можете объяснить, почему пьете? Ведь на вас была больница, коллектив, пациенты. А вы на все наплевали и пьянствовали, так мне доложили. Почему? Может, вам пролечиться? В Челябинске есть клиника, я могу вам посодействовать.

Волокушин впервые поднял на нее глаза:

– Ирина Николаевна, оставьте меня на работе, я ведь был неплохим зубником, но должность испортила. Каждый спешит ублажить, потому что в любое время может потребоваться больничный или справка. Например, сын пришел на побывку из армии, что мне стоит дать ему справку, что пять дней находился в стационаре по поводу ОРЗ? А родители готовы неделю угощать после этого. У меня и дома неприятности, детей трое, жена собралась уезжать. Без них я совсем пропаду.

Ирина жестко ответила:

– Домашние дела, товарищ Волокушин, будете улаживать самостоятельно. Даю вам сегодняшний день, чтобы привели себя в порядок. Завтра – как стеклышко, и так каждый день до первой выпивки. Увижу утром, что с бодуна – выпру к чертовой матери. Все, свободны.

Через полчаса о крутом нраве новой заведующей знали и сотрудники, и больные.

Ирина открыла тумбочку письменного стола, оттуда вывалился с десяток пустых бутылок. В ящике стола хлеб, огрызки луковицы, кусок соленого сала. Позвала санитарку:

– Вы у себя дома так же живете?

– Как? – не поняла санитарка.

– Как в свинарнике. Я ухожу по больнице, к возвращению кабинет должен блестеть чистотой. Уберите все, промойте с содой, после работы побелите стены, вымойте потолок, сделайте все, чтобы войти было приятно.

Она взяла подготовленный заранее список всех сотрудников с указанием специальностей: терапевт, зубной врач, детский фельдшер, акушерка, медсестра физиокабинета, техник-рентгенолог, процедурная сестра, фельдшера на приеме больных и в стационаре, лаборант. Стационар на двадцать коек. Кухня, столовая. В коридоре сидели больные, ожидавшие очереди на прием. Вошла к терапевту. Валентина Алексеевна, женщина лет сорока, осматривала больного, отложила прибор, которым измеряла давление, заведующая кивнула: «Продолжайте». Ей понравилась манера доктора вести разговор с больным, она выспрашивала всякие детали быта и работы. Когда осмотр был окончен, врач выписала рецепты и уточнила:

– Вот эти лекарства вы можете купить только в райцентре.

Когда больной вышел, Ирина Николаевна спросила:

– Разве у нас нет аптеки?

Валентина Алексеевна кивнула:

– Есть. Но никто не контролирует поступление препаратов, не делает заявки. И в больницу привозят только самое простое и необходимое.

– Вы давно здесь работаете?

– Ой, уже восемь лет.

– И не сбежали?

– Ирина Николаевна, куда сбежишь, у меня семья, две девочки, муж и перевез меня сюда. Нет, и не собираюсь сбежать, уверена, что у нас сейчас дела пойдут лучше.

Ирина приподняла бровь:

– Это почему?

Женщина чуть смутилась, но ответила прямо:

– Я уверена, что вы приехали сюда не просто так. И вы не сумеете работать плохо. Я это вчера по первому вашему заявлению поняла.

Ирина встала:

– Хорошо, Валентина Алексеевна, работайте. Только первое впечатление может быть обманчивым.

– Нет, Ирина Николаевна, я никогда не ошибаюсь.

Молодая девушка акушер-гинеколог вытирала вымытые руки перед очередным приемом.

– Вас зовут...

– Зина. Зинаида Михайловна.

– Как вам работается, Зинаида Михайловна?

Девушка пожалала плечами:

– Трудно. Женщин много, у нас в год регистрируется по сто пятьдесят беременностей.

– А где рожают?

– Кто где, Ирина Николаевна, и дома, тогда приходится выезжать, чтобы не было осложнений, и у нас, когда вовремя привезут женщину, но многих отправляю в район, если вижу, что возможны проблемы. Зато столько радостей в больнице, когда ребеночек родится!

– У вас есть свои дети?

– Что вы, я и не замужем вовсе.

– Извините, вы так говорили о ребенке, что я подумала: сама мама. Зинаида Михайловна, составьте список всего, что вам необходимо для работы. Конечно, в разумных пределах, но конкретно. Будем добиваться в районе поддержки наших женщин, правильно?

– Полностью согласна, Ирина Николаевна!

– Вот и славненько!

Кухня и столовая произвели на заведующую ужасное впечатление. Пробовать предстоящий обед она отказалась, потому что внешний вид пищи, посуда, сама повар, обширная и лоснящаяся женщина, убивали аппетит напрочь. Попила в кабинете чай с бабушкиными пирожками, хорошо, что утром не смогла отказаться, и пригласила бухгалтера.

– Серафима Михайловна, мне нужна ваша помощь. Не скрою, я интересовалась вами у главбуха районной больницы, характеристики самые положительные. Следовательно, на вас я могу рассчитывать. Давайте в субботу объявим всеобщий день уборки. Вы посмотрите, в какой ужасной обстановке мы живем. Дайте команду завхозу подготовить известку, краску для полов, дверей и окон, кисти и все другое. Проследите, чтобы было все. Деньги? Возьмите любые, потом все оформим.

Утром Ирина позвонила главврачу:

– Петр Петрович, заберите у меня восемь человек со стационара дня на три, мы хотим сделать в палатах косметический ремонт.

– Наслышан я о ваших деяниях, очень рад, и, конечно, поможем. Давайте, я запишу, какие больные, чтобы места подготовить. Так, терапия пять, хирургия один и две в гинекологию. Понял, как только подготовим места, я пришлю две машины. Да, Ирина Николаевна, председатель вашего колхоза интересовался новой заведующей, вы бы к нему зашли, колхоз очень даже может вам помочь в ремонтных делах.

«И правда, – подумала Ирина, – как же я сама не догадалась? Люди-то чьи – колхозные. Да и из совхозов тоже. А что? И совхозы подключим, надо этим обстоятельно заняться».

***

У своего бухгалтера и всезнающих хозяев Ирина навела справки о председателе колхоза, с которым ни разу еще не виделась. Панков Алексей Павлович. Молодой, лет тридцать, женатый, красивый, трезвый, строгий. В председателях три года, люди его уважают. Этого было достаточно, чтобы идти к нему с конкретными предложениями. Позвонила, представилась, спросила, когда удобнее подойти для разговора. Он не выразил особой радости от предстоящей встречи, но время назвал: в три часа. Ровно в три она открыла дверь кабинета. За столом сидел симпатичный молодой человек, голубоглазый, с волной русых волос, откинутых вправо, с открытым лицом, готовый к любому разговору.

– Добрый день, Алексей Павлович. Я заведующая участковой больницей, зовут меня Ирина Николаевна Дзюбина. Думаю, мы должны быть знакомы, ведь заботы у нас общие.

Председатель улыбнулся:

– Это в какой части они общие? Каждый день транспорт искать, чтобы больных из деревень к вам доставить? Отбиваться от главного, который считает, что колхоз должен чуть ли не содержать больницу. Могу продолжить.

Ирина жестом руки его остановила:

– Это хорошо, что вы в курсе наших проблем, мне и объяснять ничего не надо. Алексей Павлович, вы хоть раз у нас были? Нет, не за помощью, избави Бог, вы такой сильный и здоровый мужчина, а из любопытства: как же лечатся мои герои труда? На чем спят? Что кушают на обед? Наконец, не упадет ли на них потолок, который стелил еще, возможно, ваш папа?

Председатель посерьезнел, легонько пробарабанил пальцами по столу:

– Я так понял, что вы не на меня посмотреть пришли. Говорите прямо. А что касается моего отца, то он был механизатором, потолков не стелил. Он умер от ран в шестидесятом.

– Простите меня, Алексей Павлович, за бестактность. И по делу: предлагаю снести всю рухлядь больничную и построить новый небольшой больничный корпус.

Председатель в упор посмотрел на Ирину и покраснел, то ли первый раз женщину в ней увидел, а не посетителя-просителя, то ли смутился, что глупости говорил:

– Ирина Ивановна...

– Николаевна.

– Да, конечно. Идея замечательная, но вы не по адресу пришли, это дело советской власти. Надо заказать проект, выбить финансирование, войти в титульный список строительства, найти подрядчика.

Ирина перебила председателя:

– Алексей Павлович, мне горько слышать ваши слова. Ваше родное село, тут мама живет, тут могила отца, деток ваших, возможно, супруга приводит на проверку в наши развалины. А вы рассуждаете, как махровый бюрократ. Вы же энергичный современный руководитель, должны видеть свое хозяйство в завтрашнем дне. Я заходила в школу – вы нашли способ ее построить. Но школа – это знания, а больница – здоровье. Вы даже не замечаете наши ФАПы в деревнях, в ваших бригадах – убогие избышки. И это в семидесятые годы! «Это дело советской власти!». Да как у вас язык повернулся сказать такое! А мы с вами разве не советская власть? Мы же руководители, и тоже за власть отвечаем.

Панков рассмеялся:

– Ирина Николаевна, вы в райкоме партии не работали?

– Бог с вами, Алексей Павлович, я и в партии не состою.

– Убежденности в своей правоте у вас много. Может, так и надо? Действительно, я не особенно хорошо знаю ваше хозяйство, поедем, посмотрим.

В председательском уазике, он сам за рулем, они подъехали к больнице с заднего двора, так попросила Ирина.

– Посмотрите, какая огромная территория пустует. Конечно, можно организовать огород, но меня сегодня не картошка с капустой интересуют. Строить можно, ничего пока не снося. То есть, мы делаем свое, а строители свое. Скажите, только честно: вас мое предложение хоть сколько-то воодушевляет?

Алексей засмеялся:

– Попробовал бы я сказать, что вдохновенная речь молодой красивой заведующей меня не воодушевляет. Я же все-таки мужчина.

– Э-э-э, куда вас поволокло, Алексей Павлович, дорогой. Я ему про стройку, а у него лямуры на уме! С вами вообще об этом говорить нельзя, вы женатый человек.

Алексей возмущился:

– Вот глупейший подход: если человек женат, то и права не имеет общаться с другой женщиной.

Ирина серьезно заметила:

– Алексей Павлович, давайте тему общения пока замнем. Так что будем делать со строительством?

– Не знаю! Еще раз повторяю: не знаю! Конечно, строить надо, но я, председатель колхоза, не могу решить эту проблему. У меня задачи другие. Пока вот так: нарисуйте мне здание, которое полностью закрывало бы все ваши потребности, схему, чертеж – что сможете.

– Смогу!

– Я проговорю в сельхозуправлении, а главный ваш Бытов пусть вникнет в суть и идет в райисполком, просит денег. Только не зачихивайте, скромнее.

– Конечно, Алексей Павлович, небольшое двухэтажное здание.

Панков махнул рукой:

– Ох, и вляпаюсь я с вами, Ирина Николаевна!

«А ты уже вляпался, милый Алешенька!», – подумала Ирина и засмеялась.

***

Дома ее ждало письмо от единственной подруги, которой она сообщила свой новый адрес. «Ирочка, дорогая, ты куда пропала? И почему твой адрес нельзя никому? Как ты могла – вышла замуж, и никому ни слова? Почему адрес деревенский, вы что, там жить собираетесь? Ирка, ты сошла с ума, ты и деревня – это несовместимо. Напиши подробней. Я с ума схожу...»

Быстро написала ответ. Она и без того целую неделю переживала, зачем расслабилась, зачем написала Ларисе? Она подруга хорошая, но вдруг кто-то из девчонок увидит письмо или она проговорится, что нашлась Ирка? Ответ был кратким: «Лариса, я счастлива, Алеша прекрасный человек, через два дня мы едем в город и регистрируемся. Никому ни слова, потому что найдутся желающие испортить мне жизнь, а я не хочу, чтобы он знал что-либо о моем прошлом. Сюда больше не пиши, новый адрес я сообщу сразу, как приедем в его дом. Никаких приветов никому, меня нет. Все. Ирина».

Старики были в восторге от ее новости, что будет строиться новая больница.

– Сегодня сяду проект рисовать, рулон обоев купила, чтобы покрупнее. Алексей Павлович пообещал, что добьется.

– Энтот добьется, одно слово: Алексей – Божий человек, – кивнул Александр Иванович. – Дочка, ты не забудь нарисовать тавалет, как в городе. Я раз бывал – красота, сидишь себе на стульчике и газетку почитывашь. В нашем зимой, небось, и заголовки не помотришь, штаны на ходу застегивашь.

– Лександро, устыдись! Такие речи! – одернула его супруга.

– Правильные речи, баба Шура, обязательно туалет сделаем, – поддержала деда Ирина. – И еще много чего очень нужного и полезного.

До глубокой ночи сидела она над широкими листами цветастых обоев, сначала выписала все необходимые кабинеты и помещения, потом стала чертить план.

– Арина, дочка, прости за беспокойство, – дед Александр вошел в комнату. – Тебе другой никто не скажет. У нас озеро есть с той стороны деревни, вода в нем никуда не годна, горькая и соленая, если обкупнешься, сразу на ветру коркой соли покроешься. А дно – сплошь грязь, да вонючая, но шибко полезные и вода, и грязь эта. После войны мужики израненные летом купались, а к зиме бочками завозили и в бане пользовали. Бывало, придет на костылях, а в грязях повалялся – смотришь, и свататься побежал. Мне один мужик говорил, что ездил на море, дак там этой грязью мажут и в корыте держат. Вот соорудить бы тебе такую штуку, чтоб от радикулита и прочей хрени спасать народишко.

Ирина аж вспыхнула:

– Дед Саша, какую мысль вы мне подкинули! Это же здорово – свою лечебницу грязевую открыть! Спасибо вам за подсказку, я это обмозгую.

– Обмозгуй, дочка, а я спать пойду, бабка ругается, что бужу ее, когда к стенке перелажу.

Ирина улыбнулась: счастливые люди, полвека прожили вместе, детей нарожали, теперь кто где, одна дочь Мария в колхозе осталась, дояркой работает, прибегает иногда. Как с Ириной познакомилась, обрадовалась:

– Слава Богу, хоть старики под присмотром будут. А то каждый день не набегаешься, да и семьища у меня, и хозяин механизатор, с апреля по октябрь почти не видим.

Утром, едва вбежав в кабинет, Ирина схватила телефонную трубку:

– Колхоз, председателя. Алексей Павлович, здравствуйте, план больничного корпуса готов.

– Что нам стоит – дом построить, нарисуем – будем жить. Здравствуйте, Ирина Николаевна. Вы не обижайтесь, шутка такая, и как раз к месту.

Ирина, действительно, обиделась. До четырех утра просидела за столом, проводя и стирая карандашные линии, а потом уже в чистовом варианте расписала кабинеты и вспомогательные помещения. Она уже видела этот корпус, уже жила им, связывая ближайшие задачи с наполнением его новым содержанием.

– Алексей Павлович, вы найдете время посмотреть план?

На том конце трубки вздохнули:

– Ирина Николаевна, конечно, найду, прямо сейчас, после планерки, я за вами машину пришлю.

Ирина не могла скрыть своей радости:

– Вот еще! Тут пешком десять минут ходьбы.

Лист обоев расстелили на столе, углы прижали книжками из шкафа, вот план первого этажа, вот второго, а рядом – вид с фасада, высокое крыльцо с колоннами, над ним большой балкон, широкие окна вверху закруглены.

– Вам, Ирина Николаевна, следовало в архитектурный поступать. Конечно, о стоимости такого объекта вы даже приблизительного представления не имеете? А это сотни тысяч. Кирпич – первейший дефицит. Цемент, пиломатериалы... Давайте так: вы с Бытовым пробиваете финансирование, я в сельхозуправлении решаю свои вопросы. Когда начнем? – спросил Панков.

Ирина смело посмотрела ему в глаза:

– Вчера надо было, Алексей Павлович. Сегодня мне ехать – смысла нет, Бытов в облздраве, так что только завтра.

– Вот и славно. И я завтра поеду. Рисунки свои оставьте, мне надо начальству показать.

Ирина дошла до дверей и остановилась:

– Алексей Павлович, пообещайте, что вы пробьете это строительство.

Панков вышел из стола, хотел взять гостью за руку, но вовремя одумался:

– Обещаю, если даже поддержки не будет, своими силами начнем делать. Да, у меня в двухэтажке квартирka освобождается, посмотрите?

Ирина улыбнулась:

– Спасибо, товарищ председатель, за заботу, но меня нынешняя жизнь вполне устраивает.

Председатель улыбнулся:

– И не скучно вам со стариками?

Ирина ответила серьезно:

– Некогда скучать, у меня много работы. До завтра.

Но Панков позвонил ей уже через час, сказал, что начальник сельхозуправления перевел стрелки на райисполком, вот председатель приглашает обоих для обсуждения предложения, и надо выезжать немедленно.

Панков сам за рулем уазика, Ирина в строгом сером костюме, волосы косынкой схвачены, явно волнуется, крутит в руках свои чертежи.

– Председатель райисполкома мужик толковый, если он поддержит, считайте, что все получится.

– А если нет? Вдруг ему абсурдной покажется идея? Жили же столько лет, и ничего, – озабоченно высказалась Ирина.

Панков возразил:

– Не скажите, Ирина Николаевна, в районе многое меняется. Сейчас на село стали обращать внимание, вот мы еще три года назад почти ничего не строили, а сейчас школу заканчиваем, дом культуры на очереди. А жилье? Обещаю: в будущем году выделим вам квартиру в новом двухквартирном доме, замуж вас выдадим, будете садом-огородом заниматься, и мужа вам подберем, чтобы специалист в колхозе прибавился.

Ирина будто и не слышала разговора про квартиру и мужа, до самого райцентра молчала, а когда подъехали к исполкому, повернулась к Панкову:

– За квартиру спасибо скажу, а вот мужа, Алексей Павлович, я сама как-нибудь выберу, договорились?

Панков смутился:

– Я же в порядке шутки, Ирина Николаевна!

Она ответила:

– А я очень серьезно, Алексей Павлович.

Панков хлопнул дверцей:

– Идем. Сейчас нас Николай Петрович помирят.

Николай Петрович Хевролин вторую пятилетку был в должности, а до того десять лет работал председателем большого колхоза, откуда и происходил родом. Все, как у всего поколения: трудное военное детство и не менее сложная послевоенная юность, был бригадиром, вступил в партию, нашлись добрые люди – предложили поехать в советско-партийную школу. Николай понимал, что не только институт – техникум ему не светит при его вечерней семилетке, но в совпартшколе учили упорно, готовили кадровых работников власти и партии. Направили секретарем парткома, он так понимал, что все, кроме бумажных дел, есть продолжение работы бригадира, только в масштабах всего колхоза. Так же рано утром приходил на дойку, выезжал проверять ночную пастьбу скота, в посевную и уборочную жил на полевом стане и в поле, переезжая из бригады в бригаду, всегда с народом, всегда среди людей. Его запросто звали Петровичем, почти всегда на «ты», он не кичился и «зоб не растил», как случалось с иными: только стал начальником – сразу через губу разговаривать начинает, голос подбирает, цену себе тоже. Он помнил рассказ одного острословного мужичка:

– Пашку Варварина, как в рабочком избрали, совсем переменялся мужик. Раньше, бывало, окликнешь: «Пашка!», он тут же отгаркнется. А теперь – куда там! Кричу: «Пашка!» – идет, как шел. «Варварин!» – хоть бы хны. Тогда уже: «Павел Матвевич!». Остановился: «Чего хотел, Максим Павлович?».

Через годы избрали председателем колхоза, к своему добавили соседний, стало пять бригад, Хевролин не жаловался, на трибуны совещаний не спешил с докладами, спокойно решал вопросы с партнерскими организациями, построил зерноочистительный пункт, механизировал фермы, доярки и скотники вздохнули свободней. Договорился с ближайшим леспромхозом, всю зиму бригада лесорубов жила в тайге, всю зиму автоколонна возила сосновые кругляки, а дома работали пилорама и столярка. Жилье для колхозников начали строить, большак до райцентра выправили, на лес выменяли автогрейдер у казахстанских дорожников. Приехал как-то большой начальник из области, посмотрел хозяйство, видать, толк в делах знал, и через неделю Николай Петрович стал председателем райисполкома. Он и тут работал от души, многое получалось, но в районе так заведено: все, что хорошо – это заслуга первого секретаря райкома партии, а все остальное – недоработки советских и хозяйственных органов. Хевролин с этим молчаливо соглашался, потому уже дважды меняли секретаря райкома, однако ему повышение не предлагали. Сам Николай Петрович был уверен: если бы даже и предложили, отказался бы решительно и бесповоротно. Но не предлагали, и он вез свой воз настойчиво и терпеливо.

– Проходите, беспокойные души. Вы, Ирина Николаевна, в трех словах скажите, как устроились, как вас колхоз поддерживает? Так уж все и хорошо? Ладно. Садитесь, рассказывайте, что вы там замыслили?

Опять развернули чертежи, Хевролин нацепил очки, смотрел внимательно и без колких комментариев, которых так боялась Ирина.

– Дело, конечно, хорошее. Я только что говорил с Семовских, это заведующий облздравом, он оберучь за, даже пообещал некоторые средства нам перебросить по полугодию из районов, где не осваивают. Но тут главная фигура Алексей Павлович, если он берется, можно к нему в пристяжку. Я сейчас же отдам в стройотдел, пусть обсчитают смету расходов. Будем народной стройкой работать, кто что может. Конечно, Алексей, брусовой дом можно было бы сложить к осени, но надо нам от дерева уходить, через два десятка лет все труды пропадут.

Ирина не удержалась:

– А как же на Русском Севере деревянные церкви стоят по триста лет? Я ездила по туристике от института...

Хевролин кивнул:

– Стоят и стоять будут, если какой-нибудь сумасшедший не подпалит. Дерево тогда другое было, и технология другая, ту же сосну вымачивали и сушили, годами готовили. Нам же отводят лес после сбора живицы, соки все из сосны выжмут, и в деревню на стройку. А от сосны одно название осталось. Да еще мы всю твердь спилим, и остается в бруске очень слабая фактура, если десять лет проживет, уже хорошо.

– Извините, Николай Петрович, а зачем тогда...

– Затем, Ирина Николаевна, что никто не дает пока деревне кирпич и бетон, города надо поднимать, вот так всю жизнь за счет деревни. Ну, ладно, расфилософствовались тут. Ты, Алексей Павлович, закидывай удочку в Казахстан насчет кирпича. А вы, Ирина Николаевна, тормошите своего главного, а то он спит на ходу, пусть из облздрава не вылезит, деньги – самое главное. Если что – сразу ко мне. Все, до свидания.

В машину Ирина села в прекрасном настроении, ей уже казалось, что вопрос строительства больничного корпуса решен полностью и окончательно. И она была сильно удивлена, что председатель колхоза не разделяет ее оптимизма, выглядит суровым и даже подавленным.

– Алексей Павлович, чем вы недовольны? Разве поддержка Хевролина уже ничего не значит?

Алексей включил скорость и рванул с места.

– Значит. Едем домой, мне еще на сенокосе надо побывать.

Машина шла неровно, он то и дело переключал передачи, и всякий раз рука его касалась коленки Ирины. Она сидела спокойно, словно ничего не замечая, пока рука Алексея окончательно не легла на прикрытое юбкой колено, тогда Ирина чуть повернула голову и тихо сказала:

– Руку убери.

Алексей нажал на тормоза и заглушил мотор.

– Ирина! – Он взял ее за плечо, хотел повернуть в свою сторону, она не сопротивлялась, но восторга в ее глазах мужчина не увидел. – Ирина, ты мне очень нравишься, очень. У меня домик есть на озере, поедем?

– И что в домике? Продолжим обсуждение проекта? Или есть новые темы? Эх, Алексей Павлович, и вы туда же. Конечно, справки навели, одинокая, замужем была, терять нечего, почему бы не попользоваться? А я, Алексей Павлович, не ходила замуж, так уж получилось, извините, что ввела в заблуждение. История с неудачным замужеством нужна была на полчаса, а вы и обрадовались. Не скрою, вы мне сразу понравились, но вы женаты, семья, и я ничем не давала повода вот так свободно распоряжаться моей коленкой. Заводите машину, вас еще на сенокосе ждут. И забудем этот инцидент как неуместную шутку.

Сконфуженный Панков молчал весь остаток пути, подвез Ирину к больнице:

– Останьтесь на минутку. Простите меня, я вел себя как мальчишка. Извините.

Ирина засмеялась:

– Осталось только добавить, что это никогда не повторится. – Открыла дверцу, вышла, подняла глаза на Панкова: – А было бы жаль, Алексей Павлович. – И пошла к покосившейся калитке.

***

Только вошла в кабинет, короткими резкими звонками позвал телефон. Схватила трубку.

– Ирина Николаевна, Хевролин, здравствуй. Хочу у тебя спросить: ты, может быть, слово какое знаешь? Вопросы по твоей новостройке решаются, будто кто из Москвы курирует. Значит, так. Сегодня к тебе выезжает архитектор, сделает разметку, можно начинать копать траншею под фундамент. Это с Панковым, в районе ни одного экскаватора свободного нет. Вчера облздрав поставил деньги, не богато, но начинать можно. С облфином сейчас говорил, там у меня старый друг сидит на деньгах, сотню тысяч найдет. Панков доложил, что фундаментные блоки и кирпич казахи дадут, им нужен лес. Я бы тебе вот что посоветовал: ты работник низовой, приезжаешь в облисполком и докладываешь заместителю Холявко Якову Лаверовичу (запиши, чтоб не забыть), что так и так, начали строить новую больницу, скажи: деревянную, рубим сруб, а леса доброго не хватает. Проси кубов двести, лишним не будет. Если скажет, что только сто, есть у него такая замашка, соглашайся, но предупреди, что через месяц снова придешь, потому что плахи на пол и потолок нужны будут. Он всем лесом командует, нажимай. Я бы и сам, но пойми, Ирина Николаевна, он меня уже боится, каждую неделю в дверь ломлюсь. Поняла?

Ирина кивнула, но тут же скороговоркой:

– Николай Петрович, я боюсь к такому начальству ходить. Кто я есть?

Хевролин засмеялся:

– Я тебе не зря начал пояснять с инициативы. Власти инициаторов почитают. Потом, Холявко перед красивыми женщинами млеет, ты там пошустрей, побойчей, он полтайги отдаст за твои улыбки. Понятно, что в разумных пределах, я же не намекаю на что-то дурное. А для благого дела почему бы глазки не построить, если они есть?

Ирина кивнула, будто Хевролин мог это видеть:

– Поняла, Николай Петрович, все записала, и про глазки тоже. Когда ехать?

– А вот с архитектором и добирайся до исполкома, я тебе машину дам до станции, а там поезд идет вечером, у каждого куста останавливается, зато в восемь утра ты уже в городе. Если что – звони, я завтра на месте.

Место в плацкартном вагоне, но народ тихий и трезвый, потому на верхней полке думается хорошо. Ирина довольна: такого начала своей новой жизни она и ожидать не могла, но все получилось. А теперь вот стройка, сама не понимает, как засосала ее эта идея, как охотно пошли на нее очень важные люди. От Лариски писем нет, значит, поверила, ждет новый адрес. И правильно сделала, что сходила на почту и попросила заведующую возвращать все адресованные ей письма и открытки с пометкой «Адресат не значится». Ей никто сейчас не нужен, только работа и время. Алексей. Хороший мужчина, только вот семья, две дочки, а скандалы Ирине ой, как не нужны. И что делать? А если он будет настаивать? И если она уступит? А потом что? Уезжать ей некуда, потому Алеша потерпит. И она тоже. Холявко Яков Лаверович. Заведомо личность неприятная, но улыбаться надо, потому что за улыбки он даст лес, который Алексей обменяет на кирпичи. А они нужны... Не могла вспомнить, сегодня архитектора столько цифр назвала, что в голове не уместились. Много тысяч штук требуется, и все в Казахстане. Алеша сделает, он теперь в лепешку будет расшибаться, чтобы ей угодить. Его и расшифровывать особо не надо, весь на виду, только бы жена первой его интерес не заметила,

а то вся стройка пропадет. Да разве только стройка? Ирина улыбнулась: а ведь я поеду в его избушку, точно поеду, еще до холодов.

Под эту сладкую думку заснула, мерный стук колес и частый скрип тормозов, постоянные хождения полусонных пассажиров – ничто не мешало видеть ей огромные штабеля бревен и пирамиды кирпичей рядом с красивым двухэтажным дворцом ее участковой больницы.

Странно, но в приемной заместителя председателя облисполкома уже знали о визите заведующей участковой больницей, ее сразу предупредили, что времени на разговор только десять минут и проводили в кабинет. Когда она вошла, Холявко уже держал трубку и кивал:

– Хорошо, я вас понял, через пятнадцать минут буду.

Положил трубку, глянул на вошедшую:

– Здравствуйте, садитесь и быстро – что вы хотите?

Ирина подала бумажку, в которой кратко была изложена просьба. Холявко пробежал глазами и кивнул:

– Понимаете, вопрос не простой, а меня первый секретарь обкома вызывает. Если завтра?

– Не могу оставаться, надо сегодня, Яков Лаверович, помогайте! – и она широко улыбнулась. Холявко дрогнул:

– Почему вас, молодую красивую женщину, гонят в такую даль из-за какой-то сотни кубометров леса?

– Из-за двух, Яков Лаверович, а гонят, потому что настоящих мужчин не стало. Прошу вас. Двести. А потом я еще приеду. За дверями и окнами. Вы ведь поможете мне, правда, Яков Лаверович? Не перевелись же мужчины на свете!

Холявко улыбнулся:

– Буду рад видеть вас еще раз. Приезжайте, мы все решим. Вы из какого района? А, от Хевролина? Хитрый жук! Привет ему передавайте, и пусть ждет в гости. Наряд я вам вышлю. А пока – извините, бегом в обком.

Ирина встала:

– Яков Лаверович, дайте команду сделать бумагу сейчас, чтобы я спокойно уехала.

Холявко сел:

– Молодец, девушка, просто молодец! – Нажал кнопку на телефоне: – Инночка, сейчас к тебе придет заведующая участковой больницей, сделай ей наряд на сто кубометров красного леса.

– На двести, на двести, Яков Лаверович, вы же пообещали.

– Инночка, сделай на двести. Она сейчас будет у тебя. Да, подпиши, как ты умеешь это делать, и вручи.

Ирина соображала, уместно ли будет чмокнуть податливого заместителя, но решила, что пока не надо, а там видно будет.

Из облисполкома она выходила с нарядом на двести кубометров соснового леса.

Десяток машин возили кирпич, Панков поставил на объект подъемный кран, чтобы снимать поддоны без битых отходов. Первыми привезенные бетонные блоки уже уложены в траншею, и сейчас три каменщика тщательно выводили цоколь. Контуры будущей больницы радовали глаз, Ирина несколько раз в день прибегала посмотреть. Под вечер застала на стройке председателя. После того неприятного разговора Панков смущался, краснел и отводил глаза.

– Завтра дам еще двух мастеров на кладку, прораб будет забегать, а общий порядок за вами.

– А вы, Алексей Павлович? – с легкой усмешкой спросила Ирина.

– У меня нет времени, уборочная начинается.

Ирина ухватила за промах:

– Все-то вам не до меня и моей больнички, то у вас был сенокос, теперь уборочная. Закрутились, поди, и в лесном домике побывать не удалось?

Панков поднял глаза:

– Домик не лесной, а на озере, в воскресенье ездили с ребятами, сетешки раскинули, уху сварили.

Ирина будто ждала такого ответа:

– Уха на озере, на свежем воздухе! всю жизнь мечтаю о такой ухе, да под рюмочку. Была рюмочка, признавайтесь!

Панков повеселел:

– Конечно, была, Ирина Николаевна, у нас уху без водки даже собаки не едят.

– А что же вы меня не пригласили? В тот раз вон как настаивали, даже на ты перешли, а теперь в кусты? Не хорошо, Алексей Павлович!

Панков оглянулся – нет никого, осмелел:

– Вы только скажите, я вмиг организую.

Ирина согнала с лица улыбку:

– Не время, Алексей Павлович, личными делами заниматься, у меня стройка, у вас уборка урожая. Нельзя свое ставить выше общественного. Может, после открытия новой больницы?

Панков побледнел:

– Я для вас... Не думал, что заслужил насмешки... Ладно, стерплю, Ирина Николаевна! До свиданья!

Он не видел уже, как метнулась к нему Ирина, как легкомыслие исчезло с ее лица, только сел в машину, она уже рядом:

– Не обижайся на меня, Алексей, тебя мой дедушка Божьим человеком зовет. В субботу поедем на рыбалку, согласен?

– Конечно. Я за вами... Я за тобой заеду, Ирина.

– А вот этого не надо. В семь вечера я выйду за околицу, в рощу. Все, уезжай.

Только с третьей попытки машина тронулась с места – мотор глох. Ирина улыбнулась: «Ох, наловим мы рыбки, на всю деревню разговоров». Только потом она вспомнит, что про жену Алексея как-то не подумала.

***

В субботу дед Лександро, как упорно звала его супруга, усердно топил баньку, дров не жалел, воды наносил полную кадку, веники приготовил, для себя и для Арины – никак иначе называть квартирантку не желал. Ирину встретил в калитке, заботливо принял сумку с продуктами, пошли в дом. Хозяйка уже ставила на стол мясной суп, Ирина выписала немного мяса в колхозе, хотя дед поучал отрезать прямо на больничной кухне.

– Я как-то лежал с неделю, грыжа, язвы ее, замучила, по всему брюху расползлась. Дадут суп, вроде молосным отдает, а мяса нет. Дальше картошку толченую, там ровно три кусочка мясных. Нас лежало семнадцать человек, по три кусочка – полсотни. А каждую неделю завхоз привозит пару скотских ног да свиной окорок. Воруют, сволочи, до больного не доходит.

Ирина помыла руки, повесила полотенце:

– Все, Александр Иванович, отворовали. Повара я заменила, завхоза тоже. Теперь сама хожу на кухню, принимаю завтрак, обед и ужин. Вы сейчас приходите к нам, будем кормить, как в санатории.

Старик засмеялся:

– Нет, душа моя, от добра добро не ищут. Меня бабка кормит, как большого чина, каждый день мясное блюдо. Кто так живет? Раскормишь ты меня, Аринушка, а потом покинешь, взамуж выскочишь либо квартиру получишь, и опять бабка меня на картошку переведет.

– Не переживайте, Александр Иванович, замуж никто не зовет, а квартира мне не особенно нужна. Разве мне одной будет лучше, чем с вами? Или я надоела?

– Господь с тобой, родная ты моя, как можно такое? Живи, сколь хошь, я ведь и про еду-то шутейно говорю. Много нам надо? Пряник да чашку чая. Только, ежели котлетку бабка поджарит, ломаться не стану, хоть и пост. Давай, перекуси, отдохни чуток, и в баньку. Жар нонче добрый, сухой и пахучий, я травки кинул на каменку, душицы. Знатный аромат. Венчик тебе изладил свежий, маленький, меж березовых веток три смородинных спрятал, помашись в удовольствие. Привыкай париться, это и по медицине признано полезительным.

После бани Ирина в своей комнатке сменила халат на легкое платье, подумала и с улыбкой положила свежий халатик в сумочку. Туда же втиснула полотенце. С волнением посматривала на часы: половина седьмого. Рано. Тут ходьбы десять минут, не торчат же в роще, еще подойдет кто-нибудь. Вышла без четверти, машина Алексея медленно выехала из-за бугра, он из салона открыл дверь, Ирина запрыгнула и вжалась в сиденье.

– Не бойся, на дороге нет никого, я проверил.

Она облегченно вздохнула, когда свернули с большака на полевою дорогу, а потом и вовсе на едва заметный след. Домик стоит на высоком берегу чистого озера, ставни закрыты, но дверь не на замке.

– А если хулиганы заберутся? – удивилась Ирина.

– Если захотят, и замок не удержит. Никто не пакостит, разве что рыбаки зайдут, если дождь прихватит. Но – порядок соблюдают, после гостей все чисто.

Они вышли из машины, Ирина любовалась, как кормятся чайки, как бесстрашно бросаются за добычей крупные птицы, Алексей назвал их бакланами. Из ближних камышей выплыла стайка уток и быстро понеслась вдоль берега. Ирина ждала, и Алексей обнял ее сзади, поцеловал в шею.

– Ирочка...

– Не надо слов, Алеша.

Она резко обернулась и, охватив его голову руками, крепко впила в губы. Он подхватил ее на руки и занес в дом.

– Ира, я постельное чистое постелил...

– Да пропади оно пропадом, – выдохнула Ирина, сбрасывая платье...

...Они вернулись в село поздно ночью, остановились у рощи.

– Ира, я не обманывал тебя там, в постели, я действительно, люблю тебя. Влюбился, как только увидел.

– Алеша, это от избытка эмоций, бывает, не бойся, я не придам твоим словам значения, и не буду напоминать.

– Я тебе не нравлюсь? – по-мальчишески с обидой спросил он.

– В том и беда, Алеша, что нравишься. Но ты женат, и у тебя дети. Потому я ни на что не претендую, и прошу тебя о перспективах наших отношений не говорить. Если сможешь – будем встречаться. Нет – проживу, жила же раньше.

– Ты говорила, что замуж не выходила... – эта фраза далась ему с трудом.

– Ты об этом... Алешенька, ошибка молодости, попался вот такой же симпатюля, думала, до гроба, оказалось – до первой податливой юбки. Я возненавидела его, но и только. Ошибка молодости. У тебя их не было?

Алексей смутился:

– В этом смысле – не было, я сразу женился. Хотя это и есть ошибка. Я с ней разведусь.

– Алеша – без меня! Я не хочу делать детей сиротами. К тому же ты член партии, тебе не разрешат, я так слышала.

– Давай пока не будем об этом. Созваниваться нельзя, девушки на коммутаторе слушают разговоры, тем более – наш. Лучше приеду на стройку, или ты приходи в кабинет, договоримся.

Ирина грустно улыбнулась:

– Не ожидала, что ты такой практичный, после первой встречи условия назначаешь.

Молодец!

Алексей испугался такой реакции:

– Ирочка, прости, но надо же как-то договориться? Какой практичный, зачем ты так?

Она потянулась к нему, прижалась к щеке, прошептала:

– Не знаю, зачем обидеть тебя хотела, милый мой председатель. Может, все зло на мужчин выместить? Прости. Ты очень хороший, даже слишком. Мне было так сладко, Лешенька, родной мой...

Так со слезами и вышла из машины, а он долго еще сидел ошалело, пока ощутил ее слезу, скатившуюся в уголок рта. Соленая слеза, искренняя.

***

Кажется, кричала вся больница. Мужчина средних лет, ожидавший приема у терапевта, вдруг завалился на бок, сполз со стула и потерял сознание. Терапевт Валентина Алексеевна выскочила из кабинета, позвала процедурную сестру, та прибежала со шприцом и горстью ампул:

– Что вводить, Валентина Алексеевна?

– Подожди, я пытаюсь измерить давление.

Подбежала заведующая:

– Что с ним? Пульс? Давление?

– Давление за двести.

– Что вы стоите! Введите ему... Что у вас есть?

– Индапамид, метапролол.

– Так вводите же, хоть что-то, пока он не умер у нас на руках. – Она обернулась, поняла, что сказала лишнее: – Больных прошу удалиться, быстро!

После укола мужчина открыл глаза.

– Где у вас болит? – спросила Валентина Алексеевна. – В груди? В плече? Голова не кружится? Успокойтесь, сейчас вас поместят в палату.

Принесли носилки, двое больных аккуратно уложили мужчину и унесли в палату. Валентина Алексеевна ушла с ними. Ирина Николаевна села на стульчик, голова кружилась, руки дрожали, подташнивало. «Видимо, давление подскочило, так все неожиданно. А, кажется, я правильно себя вела». Встала, пошла в палату к новенькому:

– Валентина Алексеевна, будем сами лечить или подключим районную?

– Сами, Ирина Николаевна. Это Карташов, рабочий из соседнего совхоза. Он уже был у меня, работает трактористом, я просила руководство подыскать ему другую работу, мне ответили, что он сам не согласился на легкий труд.

Заведующая строго посмотрела на пациента:

– Почему вы отказались выполнить рекомендации доктора?

Карташов помолчал, собрался с духом:

– Они мне предложили сторожем пойти в мастерские, на семьдесят рублей. А у меня трое в школе учатся, жена техничка в конторе, на полторы сотни мы заживем. Потому и отказался.

Заведующая гнула свою линию:

– У вас серьезное нарушение работы сердца, резкие перепады давления. А это в наших условиях очень опасно. Если что случится с вами, семье будет еще труднее.

Валентина Алексеевна вмешалась:

– Да они не имели права предлагать ему ночную работу, это с гипертонией-то! Ирина Николаевна, это безобразие!

– Хорошо, разбирайтесь с больным. Я непременно доеду до совхоза.

Только она вошла в кабинет, прибежала медсестра терапевтического кабинета:

– Ирина Николаевна, не могу кардиограмму снять, аппарат не работает. А больной жалуется на сердце.

– Скажите доктору, пусть готовит к отправке в район.

Вошла Валентина Алексеевна:

– Он не транспортабельный, Ирина Николаевна, вдруг инфаркт, мы его погубим.

Заведующая кивнула:

– Отправьте машину за прибором ЭКГ, пусть сестра едет, вам помощь не нужна?

Валентина Алексеевна подошла к заведующей:

– Ирина Николаевна, на вас лица нет, у вас явно давление.

– Не надо беспокоиться, я просто переволновалась. Идите к больному, я отдохну.

«Надо вести себя спокойней, не вмешиваться в такие ситуации. Дам повод для кривотолков. А с оборудованием надо уже сейчас решать, не дожидаться нового корпуса».

После обеда с трудом дозвонилась до конторы совхоза, нашла директора, попросила о встрече. Он согласился на четыре часа, надо быстро ехать. Старенькая «скорая помощь» покатила через мост в соседнее село.

О директоре совхоза Ирина навела справки. Мужчина под пятьдесят, Еремеев Иван Сергеевич, давнишний руководитель, ко всяким переменам относится с осторожностью, скуповат на совхозные средства и собственность, с людьми грубоват, но при нужде помогает. В общем, заключила Ирина, не подарок, хотя расчеты на поддержку совхоза были серьезные.

Не все знала она об Иване Сергеевиче. Молодым парнем попал на фронт, в учебных подразделениях из вчерашних эмтэсовских трактористов быстро делали водителей танков и отправляли на передовую. В первом же бою его танк подожгли, Еремеев крикнул экипажу, чтобы спасались, кто как может, а сам горящую машину погнав навстречу тем, кто его только что подпалил. По нему били, но не попадали, немецким танкистам тоже жить хотелось, и они разворачивали свои машины от сумасшедшего русского. Иван догнал одного, ткнул стволом в башню, а во второй ударился всем корпусом. Как он выбрался через нижний люк – не помнит, очнулся на руках своих ребят. «Ты своим горящим танком осветил своим товарищам путь атаки, и они рванулись вслед за героем, сметая на своем пути все вражеские укрепления. Так была достигнута очередная победа» – писала тогда дивизионная многотиражка «Сталинские танкисты». Ребята потом рассказали, что сметать все на пути не получалось, Иван, точно, остановил два танка, но другие оцетинились и приняли бой. Пехоты много полегло, да и танкисты не все встали в строй после боя. Однако Ивана зауважали, комдив прислал орден Красной Звезды, старшина выдал дополнительные сто грамм всей роте. Потом была Курская Дуга, три танка подбили под Иваном, а он выскакивал, оставался живым. Получал машину с ремонта, и опять в бой. Так и дошел до Праги, где служил еще пять лет. Домой вернулся, а изба пустая, мать умерла, отец погиб, братья погибли, один он без единой царапины вышел из войны. Долго не женился, дождался, что соседская девчонка Клавка звякнула в окно. «Дядя Ваня, ты на вечерки пошто не ходишь?». «Не до вечеров, со смены приду, пожрать надо чего-то сварить, то да се – и полночь». «Ты допусти, я тебе варить стану». «Ну, вот еще, придумала. Иди, играйся». «Не хочу. Меня к тебе тянет». «Ну и дура. Нашла себе магнит. Я на десять лет старе тебя, так что не дури». «Буду дурить. Открой двери, я хоть приберусь у тебя». Весь вечер девчонка мыла пола и обметала стены, всю одежду на улице перетрясла, всех клопов керосином вытравивала, пока Иван во дворе матрас с одеялом хлопал. «Ты матрас в сенках раскинь, в избе угоришь от карасина. Клопов откормил, как жеребцов. Пошли, мы с мамой нынче баньку топили, отмойся хоть чуток, с грязи ведь лопашься. Господи, и приглядеть за тобой некому». Отмылся в бане, Клава чугунок супу принесла, накормила. «Ладно, пошла я». «Посиди, хорошо с тобой». «Да я бы осталась, только ты не зовешь». «А что старе

я, что люди скажут?». «Хоть чо пусть говорят, а ты мне люб, и тянет к тебе». «Тогда оставайся, Клава, я ведь тоже тебя отмечал, но стеснялся». Так и поженились, в этой избе и троих детей родили, а потом Иван в партию вступил, на курсы бригадиров съездил, пять лет бригадой командовал, пока не избрали председателем колхоза. Тут секретарь райкома вызвал и велел ехать в техникум, договорились, таких вот практиков с семилеткой примут и будут обучать, так получил диплом механика, хотя искренне считал, что месяцы в техникуме псу под хвост брошены. Потом колхоз преобразовали в совхоз, он стал именоваться директором. Так же материл бестолковых механизаторов, так же громко, правда, без мата, отчитывал не очень старательных доярок, за поломки взыскивал вплоть до денежных начетов, говорил: «Ты не мое, ты народное угробил. Всей страной тебе трактор делали, а ты нигрол забыл залить в задний мост после ремонта. И кто ты после этого? Враг! Потому стоимость ремонта по твоей вине оплатишь. И не реви, что у тебя дети малые, ребятишек делать наострился, а простых вещей про технику не знаешь! Будешь платить, а дернешься – я тебе весь вынужденный простой припаю!».

Мужики кряхтели: жестковато, но ведь директор по всем статьям прав. Вот с таким человеком предстояло иметь дело заведующей участковой больницей.

– Здравствуйте, Иван Сергеевич! – Ирина сразу от порога смело прошла вперед и подала руку вставшему из-за стола мужчине. – Меня зовут Ирина Николаевна, я заведующая участковой больницей, которая обслуживает и население вашего совхоза.

– Неправильно выразились, в совхозе есть рабочие и служащие, а население в сельсовете, – без улыбки возразил Еремеев, но гостя явно была настроена на бойкий разговор.

– Хотя вы формально правы, я буду вам возражать. Совет, к сожалению, кроме печати и флага, ничего не имеет, все материальное находится в ваших руках. Кроме того, у ваших рабочих и служащих, как вы выразились, есть семьи, дети и старики, и все они время от времени пользуются услугами нашей больницы. Согласитесь, что тракторист будет работать лучше и производительней, если знает, что в семье порядок, что все здоровы.

Иван Сергеевич повозился в кресле, что было дурным признаком, но Ирина об этом не знала и продолжала улыбаться.

– Если вы хотите сказать, что эту обстановку создает участковая больница, то вы явно преувеличиваете, дорогая Ирина Николаевна. – Еремеев в упор на нее посмотрел. Этого взгляда никто не мог вынести, смущал, сбивал с толку упорный, убежденный взгляд. Но Ирина неожиданно согласилась:

– Иван Сергеевич, если б вы знали, насколько вы правы в своей критике. И мне до слез обидно, что возможности наши крайне ограничены. Потому и начали строить новый корпус. Приезжайте, посмотрите, определитесь, чем можете нам помочь.

Еремеев был явно не готов к такому повороту, потому растерялся:

– Это почему я должен вам помогать?

– Не вы и не мне, Иван Сергеевич, а ваш совхоз своей больничке. Панков помогает, Хевролин помогает, область дает деньги и фонды. Не можете вы оставаться в стороне.

Еремеев встал, походил по кабинету:

– Что сегодня крайне необходимо?

– Цемент, половая рейка, оконные и дверные блоки. Я слышала, у вас работают настоящие столяры, даже на выставку возили свои изделия.

Еремееву это польстило:

– Да, есть мужики, руки не из... то есть, как надо, руки растут. Молодцы. Что, это правда, что Панков всю кладку кирпичную на себя взял? Молодец! Давай так, доктор, договоримся: не гоже совхозу в стороне стоять, столярку мы тебе сделаем. Скажи, сколько же тебе годков?

Ирина засмеялась:

– Иван Сергеевич, женщине такие вопросы нельзя задавать. Мне двадцать четыре года.

– Ты не обижайся, Ирина Николаевна. Если мне человек люб, я его по имени и на «ты» называю, а если хочу на место поставить, перехожу на официальный тон.

– Вы как Толстой.

– Какой Толстой?

– Писатель Лев Николаевич, ну, тот, что «Войну и мир» написал. Если собеседник ему был неприятен, и он хотел поскорее завершить разговор, переходил на иностранный язык, которого тот не знает. И беседе конец.

Еремеев помолчал.

– «Война и мир». Хорошо сказано. Войну знаю досконально, а мирной жизнью еще не жил. Все битва, то за урожай, то за молоко. Ладно, удачно ты приехала, праздник сегодня большой, у нас с Клавдией четверть века совместной жизни.

– Серебряная свадьба?

– Какая свадьба, Иринушка, бит да граблен поженились, ни у меня, ни у нее перемены трусов, извиняюсь, не было. Но подняла советская власть, троих сыновей вырастили, один в армии, один в институте, а старший пошел по партийной части, в обкоме служит. Горжусь. Ты забегай к нам, Клавдия моя совсем как девчонка, на десятку меня моложе. Робит, как все, родила троих, а вот будто вчера пришла ко мне. – И вытер набежавшую слезу.

– Иван Сергеевич, спасибо вам за этот прекрасный разговор, за жизнь вашу богатую, за сыновей. И супруге передайте поздравления и пожелания здоровья и счастья. Да, Иван Сергеевич, чуть не забыла: у нас ваш Карташов, надо бы ему подыскать работу, пока подлечим.

– Сделаем. Я его на технику безопасности поставлю. Жаль, хороший тракторист.

– Мы его вернем в строй, не переживайте. А размеры дверей и окон я вам завтра привезу.

Еремеев оправился, вышел на середину кабинета:

– Не теряй время, я сам завтра заеду, поеду в район и забегу, полюбуюсь, что там друг мой Панков настроил. До встречи, Ирина Николаевна, дорогая, счастливой дороги.

Она вышла, изумленная и потрясенная этой встречей. После работы попросила водителя Славу увезти Еремеевым подарок, в областном городе купила в универмаге шикарный комплект постельного белья, как раз кстати.

***

В начале недели на утренней планерке она попросила врачей, фельдшеров и медсестер составить список необходимого оборудования и инструментов. В среду все сдали свои заявки. Ирина просмотрела и ужаснулась: столь много всего нужно. Районная больница ничем не поможет, надо выходить на Медснаб. А как? Единственный способ – взять доверенность в бухгалтерии и заручиться письмом главного врача. Бытов на ее подробный телефонный рассказ отреагировал мрачно:

– Ирина Николаевна, вы задаете неразрешимые проблемы. Во-первых, столько сразу никогда Медснаб не даст, во-вторых, нам оплачивать нечем. Наконец, в-третьих – вы что, хотите организовать вторую центральную больницу? Для участковой весь минимум оборудования у вас есть, работайте. Вы и так всю область на уши поставили со строительством.

Ирина дождалась конца тирады и твердо сказала:

– Петр Петрович, прошу вас в ближайший час никуда не отлучаться, я еду к вам.

– С заявлением? – испугался Бытов.

– Не дождетесь! – и положила трубку.

Через час она вошла в бухгалтерию районной больницы и скромно попросила главбуха выписать ей доверенность на получение в Медснабе зубоврачебного кресла.

– Галя, выпиши Ирине Николаевне доверенность в Медснаб.

Ирина подошла к столу Гали.

– Что получать, надо написать. – Галя приготовилась заполнить графу.

– Да напишите одним словом: медоборудование, – беззаботно подсказала Ирина.

Главбух напомнила, чтобы доверенность подписал главный врач.

– Имейте в виду, только кресло и оплатим, – предупредила еще напоследок.

Бытов взял доверенность, прочитал, снял очки:

– Ирина Николаевна, вы со мной шутки не шутите, я такую доверенность подписать не могу, средства на приобретения очень ограничены, а вы размахнулись: медоборудование! Мне главбух позвонила: только одно кресло. Все!

– А я и не собираюсь два брать, Петр Петрович, вы что так расстроились? Даю вам слово, что счет вам будет предъявлен только на кресло. Вас мое слово устраивает? Подписывайте, меня машина ждет.

Выходя из кабинета главного врача, Ирина еще не могла сама себе ответить на вопрос, а как же оплачивать все остальное? Чувствовала, что решение где-то есть, но какое?

В Березовку вернулась к концу дня, так ничего и не смогла придумать. И вдруг екнуло: Иван Сергеевич. Вот кто ей подскажет, как быть. Подняла трубку, попросила уже знакомую телефонистку найти Еремеева. Нашли уже дома.

– Иван Сергеевич, извините за беспокойство, но дело срочное.

– Что случилось, Ирина Николаевна, жалуйся.

Ирина подробно обрисовала ситуацию.

– Подскажите, что можно сделать? Бытов и в Медснаб позвонить может, чтобы ничего не давали сверх этого проклятого кресла.

Еремеев согласился:

– Этот может. Сам ни хрена не делает и людям не дает. Допустим, я могу дать тебе свою чековую книжку, там есть пара тысяч, но хватит ли тебе?

Ирина испугалась:

– А как вы отчитываться будете? Клизмы и ночные горшки на производство не спишешь.

Еремеев засмеялся:

– Ты об этом меньше всего думай, это мы со своим бухгалтером обсудим и спрячем, куда можно. А ты приезжай ко мне, я дома, а твой водитель знает, бывал.

Супруги встретили ее у ограды, невысокого роста очень симпатичная женщина подала руку:

– Клавдия Петровна, лучше просто Клава. За подарок спасибо, Ирина Николаевна.

Они обнялись, как старые знакомые.

– Тоже просто Ирина, не надо отчества.

Еремеев стоял в стороне и улыбался:

– Ну, вы сойдетесь, у Клавы на добрых людей особенный нюх. Проходите в дом.

Хозяйка показала госте комнаты, пола застелены паласами, на стенах ковры, на окнах тюлевые шторы. Уютно.

А в большой кухне на столе уже стоят тарелки с соленьями, вареньями и постряпушками, как в селе называют домашнюю стряпню. В графине настойка. Клавдия принесла альбом с фотографиями, Ирина уже заметила, что это непременный атрибут каждой новой встречи. Сыновья – красавцы. Супруги в молодости на пожелтевшем фото, оба такие скромные и добрые. Говорили обо всем, наконец, Иван Сергеевич принес свою папку:

– Вот что я решил, Ирина Николаевна. Дам тебе машину, чтобы загрузить твои покупки. Утром часика в четыре шофер за тобой заедет, я ему все объяснил. Вот чековая книжка, попросишь бухгалтеров, они заполнят, как надо. Вижу, что ты особых-то прав на оборудование не получила, потому не переживай, если не загрузишь, водитель заедет в Сельхозснаб, накидают железок.

Прощались долго и искренно.

Утром по сигналу автомашины вышла тихонько, чтобы не беспокоить стариков, а дед Лександро уже около водителя, предупреждает, чтобы ехал аккуратно. Всю длинную дорогу любовалась ранней сибирской осенью, комбайнами на полях, встречными машинами с зерном. В Медснабе зашла в бухгалтерию:

– Скажите, пожалуйста, вот мои документы, посмотрите, что я могу приобрести для своей больнички?

Бухгалтерша, полная и суровая женщина, проверила доверенность и чековую книжку, подняла на посетительницу глаза из-под очков:

– А вы кто будете?

– Заведующая участковой.

– Идите в склады и выбирайте, на чеке две тысячи с мелочью. Там все отпишут девушки, и ко мне, будем оформлять.

К обеду у нее на руках были четыре фактуры с перечислением всех отобранных товаров. Ирина прикинула итоговые суммы – Господи! больше трех тысяч! Так и пошла в бухгалтерию, не зная, от чего отказаться, и без того выбирала самое необходимое. Бухгалтерша суммировала цифры и опять подняла глаза из-под очков:

– У вас перебор, девушка, да и приличный. Так: три двести тридцать четыре минус по чеку... Тысяча сто рублей с копейками. Что будем делать?

Ирина села, так стало обидно, и отказаться не знает, от чего. Сама не заметила, что слезы покатались.

– Маргарита Сергеевна, у меня есть семь тысяч облздоровских, давайте закроем ее фактуры, и делу конец.

– Люба, Ахметшина спросит, что будем говорить?

– Да так и скажем, что оплатили оборудование для участковой больницы. Не зеркала же она в свою квартиру взяла.

– У меня и квартиры-то нет, – почему-то вслух сказала Ирина.

Все засмеялись. Фактуры подписаны, чек из книжки вырван, через час все ящики и коробочки уже в кузове. Такой счастливой Ирина давно себя не чувствовала.

Утром всем коллективом разбирали привезенное. Трезвый, как стеклышко Волокушин чуть не целовал новое кресло, новое кресло унесли к акушерке, водитель Слава у крыльца собирал столы и распаковывал стулья. Два десятка коробок поставили в склад. Весь коллектив улыбался, будто праздник какой. Акушерка Зинаида Михайловна сказала при всех:

– Ирина Николаевна, помните наш первый разговор, что мы теперь будем жить с каждым днем все лучше. А вы мне еще замечание сделали. Спасибо вам.

– Все, товарищи, торжественный разбор гостинцев окончен, все по рабочим местам. Люди ждут.

Зашла к себе в кабинет, села за стол. «Неужели все пойдет вот так хорошо? Господи, дай мне силы и терпения, избавь от подлецов и недоброжелателей!».

Телефонный звонок вернул в реальность. Бытов.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна. Я в курсе ваших приобретений, только один вопрос: а кто будет платить за такой размах? Вы даже полированный стол для себя взяли?

Ирине так хотелось послать его куда-нибудь далеко, но сдержалась:

– Не для себя, Петр Петрович, а в кабинет. И оплата вас пусть не волнует, никто вам ни копейки не предьявит.

Бытов был ошеломлен:

– Это как? Я не понимаю. Кто плательщик? Вас же посадят за аферы, товарищ Дзюбина! Ирина положила трубку. Что ему можно объяснить?

***

Уборочная страда сразу накатывает на деревню и подчиняет себе всю ее жизнь. Рано утром неспешной походкой, разминая натруженное за день и разнежившееся за ночь тело, в сторону машинных мастерских тянутся шофера и трактористы, комбайнеры и их молодые помощники. Встречаясь на перекрестках, степенно здороваются и идут, изредка обмениваясь короткими фразами.

- Вы вчера где молотили?
- У горелой березы. А вы?
- Нас кинули, где Леха спал.
- Как намолот?
- Да ничего! Центнеров по двадцать взяли.
- У нас похуже, но тоже ничего.

Каждое поле со своей биографией, потому что поколениями их пашут и засевают, а по осени собирают плоды трудов своих. Биографии складываются из больших и малых событий. Вот было в двадцать первом году восстание мужиков против коммунистов, били потом их красноармейцы безжалостно, прямой наводкой из пушек деревни расстреливали непокорные. Отсюда Смертное урочище. На месте бывшей коммуны, соответственно, Коммунарское поле. Был после войны трактористом вчерашний танкист Яша Казаков, что ему в израненную башку шибануло – посреди пашни низинка, мокрая, сроду не пахалась, а на краю высокая береза росла, так Яша облил березу соляркой и поджег. Загубил, страмец, деревцо. Так не Яшкиным полюшко зовут, а в память о той березке полем Горелой березы записали и земельных чертежах отметили. В первую посевную, когда Алексея Павловича избрали председателем, он сутками был в поле. Днем сеют мужики, надо посмотреть, да не в контроле дело, чтобы видели колхозники, что председатель тут же, вместе с ними, а не пьет погребной квас в холодке. А ночью агрегаты землю готовят, сцепы дисков, культиваторов и борон вздымают слежавшуюся за зиму зябь, выдирают овсюг, осот и прочий сорняк, выравнивают пашенку. Председатель никого не останавливает, подъедет, пройдет по полю, помнет комочек земли – можно ли завтра тут сеять? На одном поле остановился, полюбовался на работающие агрегаты, да так за рулем и уснул, до того, видно, организм притомился, что не слышал, как на солнцевосходе пришли два трактора с сеялками. Не стали мужики будить председателя, знали, что не после гулянки приморило, так и обсеяли его газик, ушли вглубь поля, а Панков проспал до обеда. Как-то само собой вжилось в крестьянский обиход это название для поля, где председатель спал, только упростили, в честь вчерашнего тракториста Алеши, Лехи его окрестили. На карту еще не занесли, но в нарядах бригадирских такое название Панков уже встречал.

Это он в первую же уборку запретил гонять комбайны в деревню, а велел ставить по окончании работ в одном месте, но с пустыми бункерами, чтобы не искушать охочих зерном поживиться. Зато инженерной службе работы прибавилось, надо за ночь все стоянки объехать, комбайны соляркой заправить, смазку добавить, куда надо, воды в радиаторы залить и полную флягу поднять на мостик, ведро солидола оставить, чтобы комбайнер утром со шприцом все тавотницы обошел и прокачал смазку до каждого подшипника.

Это он договорился с властями, чтобы магазины и медпункты в деревнях открывались в шесть часов утра, и уборочный народ, (а кроме местных по месяцу и больше жили прикомандированные шофера, молодые работницы городских фабрик и просто студенты), мог до начала работ отовариться необходимым, и таблетку какую получить, если нужда в том есть.

Самую юную крестьянскую поросль, школьников, уборка брала в оборот, на складе всегда в это время работы много: надо зерно к вороху подмести, подтолкнуть его к транспортеру погрузчика, помочь шоферу полог в кузове заправить, чтобы до элеватора ценный груз не раздуло.

Пятую уборку проводит Панков, каждое поле знает, в голове свой план и порядок страды, это для начальства он велел агроному составить план, который утверждал аж первый секретарь райкома. Вечером побывает на тех полях, которые на подходе, и ночью передаст агроному, куда завтра перегонять комбайны. На складе дожидается последнюю машину с зерном, последних комбайнеров домой увезет, тогда весь баланс на руках, сколько обмолочено, сколько в валки уложено, сколько зерна на склад поступило. До самого предела терпит нажим руководства: почему намолот большой, а государству отгружаешь мало? Панков начальников понимал, и они, вчерашние колхозные и совхозные лидеры, понимали его, но у каждого своя работа. Колхоз отгружал хлеб, если приходили машины автохозяинства, но своей ни одной не отпускал. Еще и силос закладывали кукурузный. И такая у Панкова была позиция: пусть лучше автомобиль постоит на полосе, подождет, когда комбайн даст длинный сигнал, что бункер полон, чем комбайны будут простаивать в томительном ожидании, теряя время и производительность. Когда дело доходило до звонка первого секретаря и угроз приехать и разобраться, Панков спокойно говорил, что хлеб весь подработан и в ворохах на складе, государство может быть спокойно, в Америку он его не продаст, так что волнения излишни. А сводку мы в три дня подправим, как только с обмолотом станем заканчивать. Панкову такие речи с рук сходили, потому что данного слова он никогда не нарушал.

Только раз позвонил он Ирине, пригласил посмотреть стройку. Встретились сдержанно, Алексей повинился, что совсем времени нет, что скучает по Ирине. Она кивнула, мол, поняла, прошли вокруг здания, второй этаж выкладывают мужики.

– На первом можно вести штукатурку, Алексей Павлович?

Он кивнул:

– Надо начинать. У меня сейчас бригада армян заканчивает ремонт коровника, ребята надежные. Но, Ирина Николаевна, зарплату придется вам выбивать.

Ирина шла впереди, остановилась:

– Научите, как? Санитарами их оформить?

Панков засмеялся:

– Не получится. Решайте в райфо по наличным деньгам. Правда, Ирина, мне такую сумму ничем не закрыть. Да и зачем подставляться? Попробуйте порешать, ведь Хевролин в курсе, поможет.

Зашли вовнутрь, Ирина показывала: это кабинеты специалистов, тут за толстыми стенами будет рентген, все удобно для посетителей. За перегородкой кухня, в столовую над ней надо соорудить лифт. В конце коридора с обеих сторон лестницы на второй этаж, с одной вход в стационар, где десять небольших палат на два человека, с другой опять кабинеты специалистов, а вот это – большая комната на три окна – кабинет заведующей.

– Нравится, Алексей Павлович?

Тот кивнул:

– Особенно лифт. И где вы его возьмете?

Ирина даже не удивилась:

– Не найдем – попрошу мастеров, не думаю, что у наших мужиков ума не хватит соорудить небольшой подъемник.

Панков покачал головой то ли от удивления, то ли недовольства.

Когда спустились, Ирина попросила:

– Возьми меня с собой в поле, я никогда не видела уборку хлеба. Вечером нас никто не увидит. Да, в конце концов, имеет право председатель показать врачу, как работают его люди?

Панков помолчал, усмехнулся:

– Ближе к темноте выходи на то же место, проедем, полюбуешься со стороны, чтобы, не дай Бог, никто не подошел или подъехал.

Свернул с торной полевой дороги, лесными тропками провел свой газик к полю, где работали пять комбайнов, да несколько грузовиков дожидались сигнала, еще стояла машина техпомощи и легковушка парторга. Панков заранее погасил фары, тьма поглотала их. Алексей обнял Ирину, прижался губами к щеке:

– Я так скучаю по тебе, Ириша. Поедем в наш домик?

Ирина аккуратно убрала его руки, проворчала с наигранной суровостью:

– Мы договаривались только полюбоваться уборкой, не мешай, Алеша, посмотри, как красиво.

Картина действительно была яркая, почти фантастическая, фары комбайнов выхватывали фрагменты грузовиков, копны соломы, первые березки на кромке поля, потом над комбайном загорался красный фонарь, сирена разрывала влажный ночной воздух, и уже мчался грузовик, освещая пространство впереди себя, резко тормознув под выгрузным шнеком. Ирина припала головой к плечу Алексея:

– Ты даже представить не можешь, как я счастлива. У меня интересная работа, ко мне хорошо относится районное начальство, да и местное помогает. И самое главное – у меня есть ты. Правда, ворованный, но все равно очень родной.

Алексей взял ее за руку:

– Ирочка, если ты согласна, я разведусь. Одно твое слово.

Ирина горько улыбнулась:

– Алеша, ты посмотри хоть на чуть-чуть вперед. Как только ты разведешься, тебя сразу снимают с должности, исключают из партии, работы нет, жилья нет, потому что жену с детьми ты из дома не выгонишь. И что мы будем делать? Из Березовки надо уезжать, и куда? Ты же умный мужчина, у такого решения нет перспективы. Да, я хотела бы стать твоей женой, но не такой ценой. Потому будем довольствоваться тем, что имеем. Твое приглашение в домик у озера остается в силе? – И рассмеялась счастливым смехом.

***

Наличные деньги всегда оставались проблемой, потому на заявку заведующей больницей о выделении пяти тысяч для оплаты отделочных работ заведующий районным финансовым отделом Гордеюк, крупный и довольно грузный мужчина с широким корявым лицом и большой бородавкой на правой щеке, отреагировал очень резко:

– До меня доходят слухи о вашем подпольном строительстве, удивляюсь, как это область выделяет такие суммы неизвестно, на что. И вы еще находите наглость идти ко мне за наличкой! Ни рубля не дам, да еще ревизию вызову, чтобы проверили вашу аферу.

Ирину предупредили: если Гордеюк против какого-то решения, он волнуется, и от того нервно дергается его бородавка. Сейчас она видела, что все лицо его пришло в движение.

– Демид Кондратьевич, вы напрасно так волнуетесь, действительно, мы строим новый корпус больницы, да, не совсем законно, потому что законно не получится в ближайшие три года. А у нас в операционной земля через потолок сыпется прямо на больных. Мы обслуживаем население трех сельсоветов, в том числе ваших избирателей, ведь вы в районном совете представляете Сугатовский совет, правда?

Гордеюк удивился:

– И что из того?

– Как это – что? Ваши избиратели давали вам наказ расширить фельдшерский пункт в Сугатово, а мы решаем проблему медицинского обслуживания населения основательно. Ведь в новом корпусе будут все услуги, вплоть до малой хирургии, женщины рожать смогут на месте, а в старом здании поставим ванны, будем грязь возить с Горького озера и воду, всякие костные и суставные болезни лечить.

Гордеюк с удивлением смотрел на эту, по его понятиям, девчонку, которая собралась перевернуть все больничное дело в Березовке, ее слова о грязях и суставах напомнили собственные проблемы: с войны Демида Кондратьевича мучил радикулит.

– Про ванны – это хорошо. А откуда у вас информация про наказания?

Ирина соврала, глядя прямо в глаза:

– Николай Петрович поделился. Говорит, пообещал, старый хрыч, а ничего не делает. Вы извините, я его слова передаю. А грязями мы ваш радикулит каждое лето будем подправлять.

– Ты и про это в курсе?

– Я врач, Демид Кондратьевич, прежде чем с человеком общаться, я смотрю его медицинскую книжку. Там с вашим радикулитом и познакомилась.

– Молодец! Но денег не дам, не положено.

Ирина встала со стула:

– Хорошо, отрицательный результат – тоже результат. Я так и доложу товарищу Хевролину.

– Доложи. Нельзя деньгами разбрасываться, а строить надо законно.

Ирина заранее договорилась с Хевролиным о встрече на десять часов, она предполагала, что Гордеюк вопрос не решит, просто через голову обращаться Алексей не советовал. Николай Петрович уже был в курсе ее безуспешного визита к начфину и улыбался:

– Говоришь, ваннами искушала нашего ревматика? Ирина Николаевна, это хорошо, что ты к нему ходила, по деньгам мы решим на исполкоме. Я вчера посмотрел твою стройку, сам, тебя не стал отрывать от дел. Замечательную штуку ты придумала. Но сперва окна и двери вставь, хоть вчерне, потому что штукатурить со сквозняком нельзя. Иван Сергеич хвалил тебя, говорил, за свой счет сделает оконные и дверные блоки. А сегодня позвонил: все готово, завтра своими машинами привезет. Сторожа надо поставить на стройку, чтобы, не дай Бог, не тащили материалы. Еще вопросы?

– Николай Петрович, я у Гордеюка вашим именем спекульнула, вы меня извините, надо было надавить, и не выдавайте, если он спросит.

– Договорились. Ирина Николаевна, а ведь Демид сам позвонил и сказал, что по твоей просьбе надо решение исполкома, он сам подготовит. Охмурила ты его своей настойчивостью. Все, до свидания.

Про ванны и грязевое лечение спонтанно у нее получилось, может потому, что видела в карточке Гордеюка хронический радикулит, а еще помнила рассказ деда Лександра про лечебные свойства озера. В последнее время так захлестнули дела, что напрочь забыла о грязях и водах. И вот вспомнилось, и теперь с ума не шло.

Установить ванны можно на месте стационара, пристрой сделан позже и неплохо сохранился. Потребуется хранилище, специальные насосы. А ванны? Это же специальное оборудование, и где их можно взять? А как грязь добывать на озере и в чем возить? Был момент, когда затея эта увиделась ею как неразумная и бестолковая, но настырный характер не давал покоя. Утром через справочное попросила соединить ее с хозяйственной частью санатория «Семискуль». Ответил мужчина, назвал себя инженером. Ирина спросила, где и как можно приобрести грязевые ванны.

– А они вам зачем, в участковой-то больничке. Конкуренцию нам решили составить?

– Странный вопрос: конечно, людей лечить. Не думаю, что с пятью ваннами мы вам станем мешать.

– Да нет, я пошутил. Могу связать вас с заводом, хотя, подождите, где-то в районе пытались открыть грязевую лечебницу, но потом отказались. Ванны у них были, это точно. Минутку, я уточню, какой это район... Записывайте: Сладчанский.

Ирина улыбнулась:

– Это рядом с нами, я запомню. Скажите, а насосы для закачки грязи из хранилища нужны специальные?

– Обычные грязевые, они у нас есть в избытке, приезжайте, парочку продадим.

В обед пришли машины с дверными и оконными блоками, сам Иван Сергеевич сопровождал. Поздоровался за ручку, спросил, куда разгружать, махнул мужикам:

– В здание заносите. Окна осторожнее, стекла не побейте.

Ирина всплеснула руками:

– Иван Сергеевич, вы и стекла поставили?

– Само собой, а без стекол какие окна? Потому сам и ехал передом, чтобы тихонько, не поколотить. Ребята все сделали на совесть, сам проверял.

Услышав про насосы, засмеялся:

– Ирина Николаевна, у нас в животноводстве такие насосы называются фекальными, мы, правда, до такой технологии еще не доросли, но насосы – не проблема, уверяю тебя.

– Тогда проблема будет с ваннами. – И рассказала Ивану Сергеевичу про дефицитные ванны в Сладчанском районе. Директор кивнул:

– В Сладчанке начальник милиции мой хороший товарищ. Я попрошу его узнать, что и как, а потом будем решать. Только, Ирина, ты не увлекайся всем и сразу. Есть один объект – доведи до ума, а потом и следующий.

– Согласна, Иван Сергеевич, только хочется все и сразу.

Еремеев кивнул, мол, понимаю, но по-другому не получится.

От совхозной котельной прорыли канаву и заложили утепленные трубы, а между ними водопроводную трубу, чтобы зимой горячая вода была в больнице. Батареи отопления и трубы разводки привезли из районного коммунального хозяйства, его специалисты по заданию Хевролина и смонтировали все оборудование. Световую проводку и кабели к медицинскому оборудованию он поручил электрикам Сельэнерго. Зима прошла для Ирины в заботах о шифере на кровлю, в поисках приличной краски разных цветов – для рам, полов и потолков, дверей и панелей.

Впервые за все время строительства приехал Бытов, вошел в кабинет, снял шапку и сел за стол:

– Хоть вы меня и игнорируете, Ирина Николаевна, но облздрав с меня спрашивает за дела в районе. На днях Семовских выговорил мне за вашу стройку, приказал немедленно составить спецификацию, какое оборудование нужно, какая мебель, инвентарь и прочее. Даю вам три дня, привезете мне лично, будем просить. А вообще некрасиво, строите больницу, тайно, даже Семовских втянули.

***

Александр Иванович скучал без своей случайной квартирантки, уж больно охоч был старик до разговоров, особенно если слушали его со вниманием и верой, что все сказанное есть правда. Вечером после ужина он уличил момент, когда бабка понесла в сенки чугунок с оставшейся вареной картошкой, прикрытый алюминиевой тарелкой с ломтиками соленого сала, и спросил Ирину:

– Ты, Аринушка, седнешним вечером никуда не торопись?

– Никуда, Александр Иванович.

– Хочу тебе кой чего рассказать, ну, прямо душа просит.

– Рассказывайте, дед Лександро. Я люблю слушать ваши истории.

Через полчаса он зашел в ее комнатку:

– Арина, тебе единой поведаю сию историю, знаю, что не выдашь, а мне терпеть мочи нет, так и давит на сердце. Вот, слушай. Дело после этой войны было, когда мы возвратились

с победой, от деревни одни охрапотки остались. Быки пооблезли, бабы расхристанные до основания. Еще чуть впереди: вышел я на станции, гляжу – наш деревенский мужик на полуторке эмтээсовской, я к нему в кузов, и едем. Подъехали к озеру, ему надо водички долить в радиатор, он пошел, а я стою на дороге, жду. С нашей стороны подходит подвода, на вожжах сидит Проня Веселенький, раньше так его звали, на гулянках шибко хорошо плясал и частушки пел. Едет в город по колхозной надобности. Только от Веселенького одно название осталось, угрюмый, на шее чирьяк с большую луковицу, сам весь паршивый и ажно припахиват. Спрашиваю: «Как живете, Проня, скажи?» Он отвечает: «Не только скажу, а и покажу». И достает из-под потника мешечек, развернул, а там лепешки, я даже испугался, они черные, земля землей. «Вот это и едим, да водичкой припиваем». Я отшатнулся, а он хохотнул: «Не бойсь, у твоих лепешки чуть белей будут». Смысл этот я только дома понял: сестрица моя избачем служит, а отец инвалидом с фронта пришел, им паек какой-никакой дают, оттого наши лепешки белей. Ну, не шибко, конечно.

Попал я как раз к перевыборному собранью, председателя сняли и увезли, он посевную совсем завалил, июнь на дворе, а наши бабы из лукошка пшеницу досевают. И ставит районный начальник перед народишком Филю Жабу, такое было ему от людей прозвание. Было у Фили пятеро ребятишек, мало кто их видел, потому что голышом можно только в Петровки бегать, а в избе ни одеть, ни обуть. Все знали, что Филия и при единоличной жизни не пахал и не сеял, а при советской власти попал в актив, как беднейший, ежели ребятишки не в счет. Давали ему какую-то пособию, и на войну не взяли, потому как ребят много. А тут ставят председателем. Ты думаешь, кто-то возник, голос подал? Ухмыляются, кто еще способен, а бабы даже вида никакого не подали: Филька – пусть будет Филька.

И вот тут обозначилось, сколько в человеке дерьма может быть. Начальник вручил председателю пинжак, штаны и штиблеты, он в тот же день обзавелся кнутом и всегда его при себе носил. На сенокос приезжал верхом на единственной колхозной кобыле, с вершны не слазил, орал: «Плохо робите, НКВД вызову, ночью метать будете!». Уже тогда мог вытянуть кнутом какую-нибудь бессловесную бабенку. Хлебишко чуток вырос, надо убирать. А жрать совсем нечего. Коневник желубили, коноплю перетирали в ступе и пекли такое безобразие, что и вспоминать страшно. Пшеничка вот она, рядом, а взять не моги, уполномоченные понаехали из района, сам Филия Жаба лютует, обыскивают баб, аж рейтузы, у кого есть, заставляют снимать. Горсти не пронесешь! Сами-то терпели, на ребятишек больно было глядеть, хоть святых с них рисуй, насквозь светятся. И удумали бабы ночами ходить на поля и колоски собирать. Принесет в подоле, обшелушит, пригоршня – а все хлеб. Филия это пронюхал, а скорей всего – сосукал кто-то, подлецы всегда были и будут. А ходили женщины через переюму меж двух озер, совсем рядом с деревней. Вот он их на переюме и встретил. Кнутом гнал до тех пор, пока в воду не кинулись, даром что уже ледок у берега. Гонит их водой вдоль тверди, сам верхом, бабы ревут так, что в деревне слышно. А я женихался, припозднился, слышу дурные крики, хоть и не понял, а зачуял неладное. Бегом на переюму, а он выгнал баб на берег и хлещет, как скотину. Да нет, добрый хозяин и скотину не обидит, а тут баб детных, у которых мужики сгинули на войне, кнутом по чем ни попадя. Подбежал я, кнут вырвал, сдернул Филю с лошади, сам не знаю, что со мной, головушку ему завернул, чтоб не орал, и в воду. Подержал минут пяток, потом в камыши заташил, под лабзу затолкал. Вылез на берег, коня стеганул, чтоб в деревню шел, одежонку свою армейскую выжал и огородами домой. Затопил баню, высушил обмундированье, сам погрелся, пробрался на полати, мать даже не слышала.

Утром по деревне шум: председатель пропал, лошадь на конный двор пришла обузданная, а ни Фили, ни кнута. Кнутом я покойника обмотал, а кнутовище в лабзу воткнул, чтобы волной его не выкачало. Собрали народ у правления, милиция приехала, я смотрю на баб, кто из них был ночью на переюме, да разве поймешь? Все напуганы, но никто даже добрым сло-

вом не помянул. Покрутились следователи – никаких следов, как сквозь землю провалился, ни живого, ни мертвого.

А к тому времени много мужиков демобилизовалось, и вернулся Фрол Романович, до войны бригадиром был, с народом по-человечески. Стали его просить. Согласился. Года три мы выгробались из нищеты, только потом стали досыта хлеб вкушать. А убивство то с ума не идет, не скажу, что совесть мучила, но новой раз сам себе удивлялся: на войне тоже убивать доводилось, но там враг, а тут свой деревенской, только чем он лучше того фашиста с фронта? Такая же сволочь, даже хуже.

Вот и хочу тебя спросить, дочка, судить мне себя или простить? Дело к смерти, а там ведь спросится. И чего отвечать?

– Дети его, председателя, с ними что?

– Их вместе с матерью увезли в приют, она там пола мыла, это я достоверно знаю. Живые они все были, только кто где теперь – не могу ничего сказать, не знаю.

Помолчали. Ирина приходила в себя после страшного рассказа, да и дед Лександро из добродушного старика предстал судьей и палачом.

– Дед Саша, если хотите знать мое мнение, то поступили вы правильно. Кто мог защитить бедных женщин, если бы вы прошли мимо? Неужели никто из них вас не узнал?

– Могли и не узнать, я же старый разведчик, голоса не подавал, а темень такая, что хоть глаз коли. Нет, никто даже не намекнул.

– Тогда забудьте об этом. И перед Богом вашей вины нет, если вы этого опасаетесь. Только никому больше ни слова, и оно забудется.

В дверь постучали, и Александра Ивановна заглянула:

– Ты почто, старый, мешаешь девушке отдыхать? Может, она в клуб собралась, а ты виснешь на руках. Айда на место!

– Лександра, ты меня не треложь, мы с Аринушкой сурьезные пронблемы решали. Спасибо, доченька, за пониманье, отдыхай, и я на покой.

Ирину взволновал рассказ старика, она и подумать не могла, что в этом тщедушном тельце живет сильная и решительная натура, способная, не задумываясь о последствиях, пойти на убийство негодяя, унижавшего женщин его села. Не столь много было молодых и здоровых мужчин, чтобы женщины не могли узнать Александра. Наверное, узнали, но до сих пор все покрыто тайной.

Она никогда раньше не интересовалась историей, а книги и фильмы воспринимала как развлечения, нисколько не задумываясь о их связи с жизнью, о том, что художественность есть образный способ отображения действительности, о писателях и режиссерах вообще не имела представления. Школьные уроки литературы пролетали мимо ушей и души девушки, увлеченной не столько науками, сколько постоянным представлением себя в ослепительно белом халате знаменитого доктора в окружении учеников и благодарных пациентов.

После первого рассказа Александра Ивановича о крестьянском восстании и войне с Колчаком она впервые осознала, что до сегодняшнего дня были и другие – грубые, кровавые, жестокие. Вот здание сельсовета, старинный купеческий дом с высоким крыльцом на второй этаж, и с этого крыльца, говорил дед Александр, сбрасывали коммунистов и активистов, а внизу охотники из восставших ловили их на пешни и пики. Она несколько раз заходила в сельсовет, значит, шла по крови казненных, сквозь их крики и предсмертные стоны, потому что живых тут же и добивали. Потом пришли красноармейцы, и бойня продолжилась, только теперь не топили в прорубях, не привязывали к хвостам полудиких лошадей, а цивилизованно расстреливали из пулеметов и пушек. Она видела братскую могилу со звездой на ржавой пирамидке и корявой надписью: «Жертвам кулацко-эссеровского мятежа 1921 г», и сразу возник вопрос: а те, кто восстал и погиб в боях или расстрелян после разгрома – где их могилы? Почему не нашлось для них ни креста, ни камня? И вот это противостояние начальников и про-

стых колхозников, о котором сегодня говорил старик – не есть ли продолжение той ненависти к простому мужику, его жене и его детям? Убийство, которое спонтанно совершил молодой Александр, не назовешь разбоем или хулиганством, у него иная окраска, но какая? Старик сегодня не может определить, убил, потому что баб надо было защитить. А разве все так просто? Она вчера слышала, как бригадир крыл матом двух мужиков, что-то сделавших не так, как следовало. Откуда это право унижать того, кто ниже тебя по званию? Ладно, если это хамство отдельного человека, попавшего во власть случайно. А если оно, это право, дается как приложение к должности? Очень похоже, что так, потому что Ирина за почти год деревенской жизни никогда не слышала, чтобы рядовой колхозник материл бригадира, она даже усмехнулась этой мысли.

***

Заведующий областным отделом здравоохранения Семовских Юрий Николаевич имел четкий график посещения городов и районов, и только болезнь могла помешать и нарушить график. Тогда он отправлял в командировку своего заместителя с памяткой на двух страницах, что надо посмотреть и в чем помочь очередному району. Физическая немощь с каждым годом становилась все ощутимей. Военный врач, хирург, начальник прифронтового госпиталя, он не раз и не два попадал под авиационные бомбежки и обстрелы артиллерии, закрывал своим могучим телом лежащих на операционном столе раненых, закрывал от осколков и от пыли, которая непременно сыпалась с потолков случайных и полуприспособленных помещений. Под Варшавой в мешанине вражеской контратаки он бежал к своему госпиталю и попал под мину. Когда атаку отбили, главврача принесли в госпиталь, и его молодые коллеги со слезами на глазах собрали раздробленные ступни, отрезав весь передок по самый сустав. Семовских долго учился ходить, заказал себе ботинки с негнущейся подошвой, много раз падал, излишне уверовав в свою способность все-таки ходить. Первое время присутствовал на операциях, подсказывал, кричал, ругался матом, если коллеги делали что-то не так, после смущенно извинялся, и все говорили: «Да о чем вы, Юрий Николаевич!». Потом заставил сделать стул —подпорку, и начал оперировать сам. После окончания войны был отозван в распоряжение министерства здравоохранения и направлен в Сибирь главным врачом областной больницы. Продолжал оперировать и учить молодежь, несколько раз прорывался на прием к первому секретарю обкома партии и говорил только об открытии своего медицинского института. Первый все прекрасно понимал и хлопотал об этом в Москве. Наконец, институт открыли, Семовских списался с десятком знакомых специалистов, но в холодную Сибирь приехали только трое. Ему предложили возглавить учебное заведение, он категорически отказался и продолжал лечить, одновременно читая лекции и принимая группы практикантов. Только глубокое осознание одним из студентов своей глупости спасло его от отчисления по настоянию Семовских после того, как студент в присутствии доктора сказал, что хирургия – это позор медицины. Юрию Николаевичу пытались показать фрагмент работы профессора Пирогова с этой фразой, на что хирург ответил, что Пирогову при его гениальности случайную фразу можно простить, но студенту, который собирается стать хирургом и не верит в благородство профессии – ни за что! Впрочем, конфликт разрешился, но никто уже не пытался поставить под сомнение нужность и важность этой профессии.

В Березовку его пригласил председатель райисполкома Хевролин, они давно были знакомы и даже дружили, Семовских каждую осень приезжал в район на охоту и рыбалку, и то, и другое получалось удачно, потому что Николай Петрович отлично знал озера и утиные перелеты. В этот раз гость предупредил, что будет только два дня и никаких развлечений, потому что ноги лишних нагрузок не выносят.

Первый день провели в районной больнице. Подъехавшие поездом областные специалисты провели прием больных, во второй половине дня работали со стационарными пациентами. Сам заведующий беседовал с врачами и медсестрами, обошел все отделения, вечером подвели итоги. Областники доложили результаты своих наблюдений, тут же задавали вопросы главному врачу, заведующим отделениями, специалистам. Хевролин по ходу разговора понял, что хорошего мало, сидел за столом, уткнувшись в бумаги, и головы не поднимал. Семовских спросил:

– Николай Петрович, вы будете говорить?

Хевролин тяжело поднялся:

– А куда же мне деваться, Юрий Николаевич, если я вас пригласил помочь нам в улучшении работы наших медицинских учреждений? Конечно, мне не очень приятно выслушивать критические высказывания ваших коллег, тем более, когда речь идет о вопросах нашего, районного уровня. И мне не понятна позиция главного врача, например, когда речь идет о невыборке фондовых препаратов. Я не врач, но, думаю, область выделяет районам самое необходимое. Неужели, Петр Петрович, у нас все есть, если мы отказываемся от лекарств? И в то же время есть жалобы из участковых больниц, что порой не хватает самого элементарного. По питанию. Стыдно слушать! Товарищ Бытов, ты хоть раз заикнулся о том, что есть проблемы? Я же не могу к тебе на кухню бегать и в котлы заглядывать. Кто тебя надоумил закупить тонну овсяной крупы крутого помола, предназначенной исключительно для комбикормового завода? Ты разве не знаешь, что твою кашу во всем районе зовут плеватальной, потому что овсяную шелуху человек есть не может. Ты сам ел эту кашу? По рабочему времени. Ни один врач сегодня не начал прием ровно в восемь часов, все опоздали на десять-пятнадцать минут. Вчера большинство кабинетов прекратили работу за полчаса до окончания рабочего дня. Да, я организовал наблюдение. Это уже не позор, это преступление. Не хотелось бы вспоминать, но было время, когда за подобные дела судили и садили в тюрьму. Нам что, снова к этому возвращаться? Представить невозможно, чтобы доярка встала и ушла, а пять коров остались не доенными. Выходит, у доярки есть сознание, а у наших врачей его нет. По товарищу Бытову. Предупреждаю, что это последний такой разговор, потом будут выводы. Вы ослабили руководство, люди это поняли и творят, что хотят. Как это можно, на кухне нашли записку снабженца повару: «Зина, сметану не разводи, я уже развела». И что? А ничего, и та, и другая до сих пор работают. Остается думать, что вы, товарищ Бытов, получаете эту сметану еще до разбавления. Я хочу заверить вас, Юрий Николаевич, ваших специалистов, что результаты сегодняшней проверки мы внимательно рассмотрим на исполкоме и примем все меры к устранению недостатков.

Николай Петрович сел и вытер платком вспотевший лоб.

Старого товарища Хевролин в гостиницу не пустил, привез домой. Поужинали, приняли по рюмке водки, гость от второй отказался, перешли в горницу, Семовских извинился, снял ботинки и по-свойски прилег на диван, уложив поудобнее больные ноги.

– Тяжко, Юрий Николаевич?

– Тяжело, Николай, особенно, если вот такие дела находишь в районах. Бытов слаб, но замены нет, в коллективе не вижу, а резерв весь на Севера, там огромная потребность в кадрах. Сам видишь, новые города открываем, кадров катастрофически не хватает. Потому оргвыводов по нему делать не будем, а контроль надо усилить. Он вроде старательный, но осторожный, трусливый, я от него ни разу ни предложения, ни возражения не слышал. Десять лет назад был бы незаменимый работник, а по нынешним временам слаб.

Хозяин кивнул:

– Я не возражаю, Юрий Николаевич, пусть работает, поможем. Завтра покажу вам две участковые больнички и попутно несколько медпунктов. Сельскую сеть тоже надо улучшать.

Семовских оживился:

– Правильно мыслишь, председатель. Вот это я и пытаюсь пробить в облисполкоме. Медицина должна быть рядом с человеком, и она должна идти к нему, а не он за ней бегать.

Понятно, что хирургию в каждой деревне мы не откроем, но и фельдшерами ограничиваться нельзя. Я тебе скажу такую цифру: до сорока процентов смертей от сердечных инфарктов и других причин, связанных с сердцем, случаются именно в сельской местности. Будет время, я в этом уверен, нынешние участковые выйдут на уровень районных больниц, с добротными помещениями, с квалифицированными специалистами. Со мной спорят, убеждают, что будущее за крупными медицинскими центрами. Согласен, так и должно быть, но в основе все равно сильная первичная сеть.

Хевролин рассказал, что недавно был на встрече будущих выпускников средних школ:

– Впервые райОНО и комсомол собрали ребят со всех школ, чтобы поговорить о будущем. Будущее, каким его видит молодежь, нас не очень устраивает, запустили организаторы анкету – в деревне почти никто не хочет оставаться. В сельхозинститут и техникум немного желающих. Но есть до десятка ребят, которые хотели бы стать врачами. Надо бы, Юрий Николаевич, обмозговать этот вопрос.

Семовских улыбнулся:

– Обмозгуем. Поручим Бытову встретиться с ними отдельно. Подожди, Николай, а если мы с утра завтра попросим РОНО собрать этих ребят – получится? Я бы хотел сам с ними поговорить. Это очень важный вопрос будущего.

Хевролин потянулся к телефону:

– Дуся, вызови мне Старикова, квартиру, конечно. Геннадий Иванович, вечер добрый. Помнишь, на встрече выпускников говорили о мединституте? У нас в районе находится заведующий облздравотделом, ты не сможешь завтра организовать сбор этих ребят? Давай часа на два, у меня в кабинете. И сам приходи. Договорились.

***

Когда вечером позвонил Бытов и с дрожью в голосе так долго и путано говорил о завтрашнем визите Семовских, что Ирина подумала, а не пригрозили ли главному увольнением? Очень бы не хотелось, неизвестно, кто придет и еще более неизвестно, как он отнесется к ее строительству. Бытов еще раз повторил, чтобы она была посдержанней и не наговорила глупостей начальству. Ирина не выдержала:

– Петр Петрович, вы почему считаете возможным так со мной говорить? Разве я имею репутацию хамки и хулиганки? Не переживайте, встретим начальника, как полагается, накормим и напоим.

Бытов аж взвизгнул:

– Упаси вас Бог, Ирина Николаевна, Семовских совсем не пьет!

Тут и Ирину прорвало:

– Петр Петрович, да что вы, в самом деле, я прекрасно понимаю, как надо себя вести.

– И не высовывайтесь со своим строительством, ему и так поперек горла наши финансовые огрехи.

– Так то ваши, Петр Петрович! – уколола Ирина и пожалела об этом.

– Я вас официально предупреждаю: никаких просьб не высказывать, вы еще не знаете, в каком ужасном настроении он к вам придет. Нам сегодня всем устроил Варфоломеевскую ночь.

– День, Петр Петрович, а если день неудачный, то лучше сказать: Юрьев день.

Бытов вздохнул:

– Доиграетесь, Ирина Николаевна, что он вас прямо на месте с должности снимет. Тогда у меня защиты не ищите. Все. До свидания.

Ирина положила трубку и задумалась. Нет, от намеченного плана она отступать не будет. Покажет больницу, расскажет о проблемах и выйдет на новое строительство. И тогда слово

за заведующим облздравотделом: сочтет нужным продолжать – скажет, посчитает строительство преждевременным – помогать не будет, а без него только здание можно подготовить, и куда потом с ним?

Ирина утром позвонила Панкову, чтобы тоже присутствовал, вдруг к нему будут вопросы. Алексей пообещал, хотя и поворчал, что у него достаточно других поводов получать взыскания и внушения.

Увидев в окно подошедшую машину, Ирина выскочила во двор в шубке, накинутой на белый халат. Чуть в стороне стоял у своей машины Панков. Семовских тяжело высвободил ноги и как-то рывком встал с сиденья. Хевролин чуть поддержал его и кивнул Ирине:

– Знакомьтесь, Юрий Николаевич, Дзюбина Ирина Николаевна, заведующая участковой больницей.

Семовских широко улыбнулся:

– Так это вы в Медснабе тысячу рублей нашей заначки умыкнули? Молодец! Так, дорогая моя, в больницу ты нас не зови, посмотрелся я на наши участковые, душа болит. Мне Николай Петрович все уши прожужжал про ваше новое строительство. Вот тут я с удовольствием посмотрю, заодно и проверю, насколько с перспективой мыслит мой коллега. Мы же с вами, Ирина Николаевна, в одинаковой должности, только я веду областным отделом, а вы пока маленькой его частью. Так, а это что за скромный гость? – кивнул он в сторону Панкова.

Ирина опередила Хевролина:

– Это наш первый помощник, председатель местного колхоза Алексей Павлович Панков.

Хевролин добавил:

– Это он, Юрий Николаевич, оформил в облстройотделе и госбанке этот объект как общежитие. Иначе бы мы ни копейки не могли сюда вложить, а сейчас все законно.

Семовских вздохнул:

– Я все время думаю в таких случаях: кого обманываем? Государство? Нет, создаем ему новую собственность. Народ? Нет, делаем же для народа. Так кого же? Оказывается, никого, просто чиновники устроили для себя такую игру: давайте запретим строить больницы, а кто ловчее придумает, тому разрешим. Большая дурь, и приведет она со временем к взяткам и поборам, как это уже присутствует в южных республиках. Ну, что, молодежь, ведите в свой будущий дворец, только не очень спешите, я говорить мастак, а хожу медленно.

На первом этаже в теплых комнатах бригада вела штукатурку. Гости заходили в комнаты, и Ирина поясняла, что будет в той, потом в другой. Семовских удивился:

– Это ты уже сегодня знаешь, где что будет?

Ирина смутилась:

– Я еще вчера знала, Юрий Николаевич, знала, когда чертила план этого здания.

– Это хорошо. А тут что за бункер?

– Для рентгенкабинета.

– Надежно, молодец. А тут почему дверь? Что в той половине?

– Кухня, склад, подсобные помещения.

Семовских еще раз оглянулся:

– А где будет стационар?

– Стационар на двадцать коек будет на втором этаже, выделен небольшой родильный блок.

– Значит, кухня на первом, а столовая?

– На втором, прямо над кухней. Повар готовит поднос с пищей и на подъемнике отправляет его на второй этаж. Там официантка принимает и разносит по столам. Так мы избегаем запахов в отделениях и больные получают горячую пищу.

Хевролин улыбнулся:

– Обратите внимание, Юрий Николаевич, она говорит об этом как о свершившемся факте.

Семовских пропустил лестное замечание и продолжал допрос:

– Так. Со стационаром ясно, но для стационара нужны специалисты. Больных ты положишь, а кто лечить станет? Не проще ли отправлять в районную больницу?

Ирина сжала кулачки: только спокойно!

– Нет, не проще, Юрий Николаевич. На нашем участке более пяти тысяч жителей, мы в день принимаем до тридцати человек. Это при том, что на приеме только терапевт, зубной врач, акушерка и детский фельдшер. Да, мы направляем в район пациентов, если не можем диагностировать, а если диагноз очевиден – зачем? Там такие же медсестры, такие же препараты. В новой больнице нам нужен хирург, гинеколог, еще один терапевт. Понимаете, Юрий Николаевич, это психология сельского жителя, он не хочет уезжать далеко, он хочет получить помощь на месте.

Семовских обратился к Панкову:

– Взвалили на свои плечи – не каетесь? А ведь помогать красивой женщине приятно, не красней, я это по себе знаю. И я ей тоже помогу, хотя, к сожалению, из других соображений. Много ваш колхоз вложил в строительство?

Панков помялся:

– Все вкладывают, Юрий Николаевич, не я один. Два совхоза больница обслуживает, мы на днях собрались, руководители, один ставит бригаду на штукатурку второго этажа, второй берет на себя крышу и шифер. Думаю, к весне можно будет белить, красить и шторы вешать.

Семовских толкнул в бок Хевролина:

– Видал, как у них просто: поштукатурил, шторы повесил, и новоселье. А мебель, а постельные принадлежности, а рентген, операционное оснащение, гинекология свое потребует, детству игрушки подавай. Пошли в кабинет, Ирина Николаевна, будем составлять проект заявки на оснащение новой больницы. А вы, молодой человек, попробуйте найти своих коллег—директоров, я бы хотел с ними пообщаться. Сумеете?

Панков оживился:

– Тут и уметь нечего, они на всякий случай в моем кабинете.

– Вот пусть они рысью в больницу, а ты вместе с ними, может, что-то перехватите на свои могучие плечи.

Заявку составляли долго, Ирина достала заранее подготовленный перечень и называла позиции по оборудованию, инвентарю, мебели. Семовских изредка подсказывал:

– Постельного пиши по три комплекта, это не гостиница, тут всякий контингент, иной пациент за сутки три простыни может выдать... Сейф, потому что будут серьезные препараты... Телевизор надо хотя бы один в столовой поставить, пиши: цветной, пусть снабженцы покрутятся.

Позвонили из приемной исполкома: выпускники собираются, встреча назначена на два часа. Хевролин поднялся: надо ехать. Семовских повернулся к руководителям хозяйств:

– Дорогие мои, я понимаю, что новая больница вам стала дополнительной нагрузкой и заботой, но нам с вами повезло, что появилась Ирина Николаевна Дзюбина, инициативный человек и настойчивый. Не надо на нее обижаться, что просит, надоедает. Спасибо вам, что помогаете. Это очень важно, что хозяйственники видят дальше пашни и фермы. Ирина Николаевна, заявку еще раз проверь, я пришлю к тебе нашего специалиста, есть у меня хорошая женщина, она поможет и привезет уже документ в отдел на исполнение.

– Юрий Николаевич, еще одно предложение. Есть у нас озеро с целебными грязями и водой. Когда освободим старое здание, планируем организовать грязеволечение. Пять ванн мы взяли в Сладчанской районной больнице, они хотели этим заняться, но главный врач уехал,

а новый не заинтересовался. Надо бетонировать бункер под грязь, трубы проложить, насосы у нас уже куплены. Летом будем пробовать.

– Милейшая Ирина Николаевна, с грязью и водой никакой самодеятельности, а то в тюрьму посадить могут. Во-первых, их надо исследовать в институте курортологии, есть такой в Свердловске. Если там признают, что можно использовать для лечения – и тут будет перечень болезней, то мало установить оборудование, нужен врач соответствующего профиля, надо обучить персонал.

Ирина открыла стол:

– Вот. – И подала Семовских пакет бумаг.

– Что это?

– Заключение специалистов Свердловского института курортологии, о котором вы говорили. Они очень высоко оценили наши грязи и воды и выдали подробные рекомендации.

Юрий Николаевич пробежал глазами по последним страницам: да, выводы очень серьезные.

– Задаете вы мне задачи, товарищ Дзюбина, на целый год работы. Судя по всему, ваш бюджет увеличится вдвое, а где брать средства? Где брать специалистов?

Семовских молча смотрел на молодого руководителя и думал, какое счастье, что выпадают из тысяч простых и послушных исполнителей вот такие сумасшедшие люди, готовые придумывать себе все новые и новые проблемы, а потом решать их, призывая на помощь друзей, соседей, начальство. Вот она совсем юная, а сколько энергии, сколько уверенности, что это надо, и что это она сделает обязательно. А деньги найдем, расскажу в облизполкоме об интересном руководителе, поддержат. И хозяйствам надо бы затраты восстановить, помогли оборотными средствами, и на том спасибо.

Всю обратную дорогу молчал, думал. И решил рассказать школьникам, которые собираются стать врачами, как в небольшой сельской больничке можно решать серьезные вопросы медицинского обслуживания населения.

***

Алексей никому, даже самым близким друзьям не говорил об Ирине, а ей вообще не с кем было делиться. С весны до глубокой осени не часто, но выбирались в домик на озере. Зимой Алексей увозил ее в район, брал ключи от пустующей квартиры уехавшего на Север товарища. Ирина скованно чувствовала себя в комнате, где за стенкой разговаривали люди, слышен детский смех и, особенно в ночной тишине, можно узнать последние известия. Разговоров о разводе он больше не заводил, помня запрет этой темы, только в тот раз не выдержал. Это было перед Новым годом, Алексей привез из города коробочку французских духов. Ирина разволновалась:

– Ты знаешь, эти духи стали известны у нас, когда мы студентами были. Цены у фарцовщиков несусветные, мы всей комнатой сбросились и купили. Договорились: неделю одна пользуется, неделю другая. Я едва дождалась. Иду на танцы в облаке ароматов, думаю: ну, сегодня все вальсы мои. И подходит ко мне парень с соседнего потока, подошел, и остановился: «Да вы что, блин, всем курсом этих духов набрали?». Оказывается, он наших девчонок именно в те дни и приглашал, когда они при духах. Так меня припозорил, что я весь вечер в комнате проревела. Вот так.

– Ира, Анна Мироновна, жена моя, знает про наши встречи. Вчера крутой разговор был.

Ирина помолчала, собирая в кулак всю волю и способность к защите:

– Посуду не били? Сквородками не бросались? В райком жаловаться не поехала сегодня, судя по тому, что ты в теплой постели с любовницей?

Алексей обиделся:

- Зачем ты так? Она умная и спокойная женщина, так и сказала: любишь ее – уходи.
- Что ты ответил?
- Ничего. Ушел в свою комнату.

Ирина вздохнула:

– Что вы за мужики такие? Покурдаться с чужой женщиной – хлебом не корми, и откуда только слова берутся ласковые? А как до дела доходит – в свою комнату. Что же ты не сказал, что предлагал мне такой вариант с разводом, да отказалась я? Так что ты решил?

Алексей встал, прошел по комнате от стены до стены.

– Значит, ничего не решил. Тогда я решаю, Алеша. Жене скажешь, что все это слухи, да, встречаемся, но только в рабочее время и по общим делам, связанным с больницей. И все. Больше никуда не поедет и никаких разговоров о чувствах. Иначе, Алешенька, уеду я, а мне бы очень не хотелось. Встаем, одеваемся и едем домой.

В переулке перед ее квартиркой остановились, Ирина тут же открыла дверь, Алексей хотел что-то сказать, поймав ее за руку, она выскользнула и пошла, не закрыв машину. Он проводил ее долгим взглядом, всем своим существом понимая, что это была последняя встреча.

Утром позвонил Хевролин:

- Ирина Николаевна, какие планы на сегодняшний день?
- Николай Петрович, у девушек раньше спрашивали, какие планы на вечер.
- Ну, я про это уже давно забыл. Заводи свою машину и ко мне. Жду к одиннадцати. –

И положил трубку.

За годы строительства и длительного запуска в работу всех планируемых кабинетов, грязеводолечебницы, благоустройства территории, строительства силами двух совхозов вблизи больницы трех двухквартирных домов для врачей и персонала, Ирина привыкла к тому, что председатель райисполкома или сам приезжает, или приглашает к себе для решения каких-то вопросов. Так было, когда приехал хирург, и надо было устроить в школу его жену. Так было, когда Ирина втихушку уговорила терапевта районной больницы переехать в село, а Бытов уперся, и ни в какую. Так было столько много раз, что Ирина ехала безо всяких опасений.

Николай Петрович встретил ее у дверей, посадил в кресло, сам сел напротив:

- Ирина Николаевна, я жду один очень важный звонок, так что давай поговорим о приятном. Ты сколько у нас работаешь?
- Четыре, пятый пошел. А это вы к чему, Николай Петрович?
- Да ты не бери в голову. А вот давай вспомним, что за это время мы с тобой наработали? Новое здание построили – раз. Врачей стало сколько?

– Со мной пять.

– Во, видишь? А персонал вырос...

– До тридцати человек. А что случилось? – Ирину била мелкая дрожь, она сильно сжала руки, чтобы не выдать волнения, даже страха.

– Машину новую получили. Гараж построили. Грязью лечится весь район. Ты у нас стала героем здравоохранения.

Зазвонил телефон, Хевролин поднял трубку, выслушал что-то и передал Ирине. Она еле слышно сказала:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Ирина Николаевна, Семовских, попросил председателя пригласить вас для официального разговора. Есть такое мнение – рекомендовать вас главным врачом района. Чтобы вы не сомневались, скажу, что ваша кандидатура согласована в районе и обкоме партии. Мне нужно ваше принципиальное согласие.

Ирина выдохнула, и слезы отступившей угрозы хлынули из глаз, в один момент ставшими счастливыми и веселыми:

– Юрий Николаевич, спасибо за доверие, но у меня и здесь много дел. Я не могу дать согласия, мне надо подумать, посоветоваться с коллективом. Ведь мы столько вместе перенесли.

– Ирина Николаевна, если честно сказать, вопрос можно считать решенным. Я, как старший товарищ, не советую упорствовать и тем более отказываться. Такие предложения делаются один раз. Вот ваша анкета, вижу, что вам двадцать семь, самое время выходить на новый уровень. Считаю наш вопрос решенным. Жду завтра утром, как приедете – сразу ко мне.

– Простите, Юрий Николаевич, а Бытов?

– Это не ваши заботы. До встречи.

Ирина еще некоторое время держала плакающую трубку, пока Хевролин взял ее и положил на аппарат.

– Бытов поедет в областную больницу в статистический отдел. Не переживай за него, он счастлив. Но о твоём назначении не знает. И вообще пока никто не знает. В область поедешь на моей «Волге», чтобы в день вернуться, а потом проведем собрание коллектива и представим нового главного врача. Все, занимайся своими делами.

Ирина закрылась в своём кабинете и пыталась представить всю процедуру назначения. Видимо, после встречи с Семовских направят в обком партии, а что там – она не знает. Будут пытаться о партийности, это точно. Пообещаю, а там видно будет. Наверное, поинтересуются семейным положением, партия очень настороженно относится к руководителям, не имеющим семьи. Видимо, считает, что такие могут вступать в неофициальные контакты, а это уже элементы аморального поведения. Черт, надо было решительно отказаться! Как все замечательно складывалось в эти годы! Квартирку хорошую получила, обставила современной мебелью, Алеша расстарался, привез югославскую «жилую комнату». Цветной телевизор поставила, ковры на стены и палас на пол, хрусталь и полные собрания сочинений классиков в шкафах. А жила у деда и бабки, только изредка предупреждала их, что ночи две ночует дома, надо привести в порядок бумаги.

И не только бумаги ждали ее в те вечера. В новой больнице она каждый день, если была на месте, проходила по палатам, иногда с врачами, а чаще одна, чтобы не отвлекать людей от работы. И увидела его. Молодой, крепкий, красивый. В палате он был один. Увидев врача, встал с кровати, поправил футболку, смутился.

– Вы с чем к нам попали, молодой человек?

– Да пустяк, на ремонте машина с домкрата сорвалась, чуть придавило, но ребята быстро освободили.

– Как себя чувствуете?

– Хорошо. Можно и домой.

– Молодая жена ждет? – ни с того, ни с сего спросила Ирина, и сама испугалась.

– Нет, – весело засмеялся парень. – Я холостой, жениться не спешу.

Ирина уже вернулась в образ строгой заведующей больницей:

– Ну, женитьба – ваше личное дело, а лечить будем до полного выздоровления.

На посту посмотрела истории болезней, нашла палату №8, Пестов Денис, 24 года, шофер Сугатовского совхоза. Ушла к себе, пыталась что-то делать, а перед глазами стоял он. Ирина хорошо себя знала и понимала, и сейчас с осторожностью поставила диагноз: влюбилась. В стационар больше не заходила, только осторожно спросила рентгенолога, что там у Пестова.

– Ничего страшного, Ирина Николаевна, чуть давило грудину, но только ушиб, даже трещины нет. Так что до свадьбы заживет.

– У него свадьба скоро? – опять бесконтрольно спросила она.

– Да нет, просто так говорят.

Два дня в восьмую палату не заходила, а когда насмелилась, Дениса там не оказалось. Пожилой мужчина, заметив смятение доктора, пояснил:

– Выписали его сегодня, а меня вселили, мы и познакомиться не успели.
«Мы тоже», – так и хотелось съязвить Ирине, но не получилось.

Проходили дни, и все думалось о незнакомом парне, приходили ночи, и в возбужденное подсознание он являлся – гордый, сильный, и снилось такое, от чего утром было до слез приятно и стыдно перед самой собой. Видимо, парень просто не обратил на нее внимания, ну, пришла врач, это ее обязанность. Рассчитывать даже на случайную встречу не приходилось, Сугатово в десяти километрах, в район они ездят своей дорогой. К тому же Денис шофер на грузовой машине, и в Березовке совсем не бывает. А если придумать приличную причину и поехать в совхоз, например, с проверкой соблюдения норм охраны труда: санитария, воздух, температурный режим? Надо взять с собой медсестру и предупредить сугатовского фельдшера.

Выехали рано утром, потому что машины из гаража к восьми часам уже выходят. Нашли завгара, который, стоя на бампере, с головой залез под капот грузовика.

– Никита Григорьевич, медицинская комиссия по проверке требований охраны труда. Вы нам нужны.

Завгар спрыгнул с бампера, бросил ключ в инструментальный ящик.

– Понятно. Тут я уже не нужен. Что показывать?

– Когда последний раз побелку стен делали?

Никита Григорьевич засмеялся:

– Наверно, при строительстве.

– А смеха мало, товарищ завгар, напишем предписание, будете белить. И пол надо хотя бы метлой подмести, посмотрите, сколько масляных пятен. Тут и бензин натекает, и до пожара недалеко.

– Бачок с питьевой водой открытый, черпают прямо сверху, – подсказала медсестра.

– Девушка, у нас заразных нету, потому пьем и не боимся, – огрызнулся завгар.

А Ирина все оглядывалась, в тусклом свете потолочных ламп выискивая желанное лицо, но не находила. Несколько мужчин проходили мимо – не те. Завгар пригласил в свою каптерку, но Ирина даже как-то испуганно отказалась.

– Вы пока занимайтесь своими делами, а мы пройдем по гаражу, – предложила она.

В дальнем боксе, освещенном мощной лампой, она увидела Дениса, в синем комбинезоне, в начищенных кирзовых сапогах, в лыжной шапочке, он усердно протирает ветровое стекло. На гостей обернулся, спрыгнул с подножки, широко улыбнулся:

– Теперь и вы в гости к нам пожаловали? Здравствуйте. Спрашивайте, на все отвечу.

Ирина хорошо освоенным приемом сжала себя, ничем не выдавая волнения:

– К вам у нас вопросов нет, продолжайте работать.

– Ладно, – с улыбкой согласился водитель и вскочил на подножку своего «газика».

Ирина вернулась к завгару, наскоро сочинила предписание и очень сурово сказала, что через неделю все проверит, тогда замечаниями ему не отделаться. Никита Григорьевич повертел в руках бумажку, что-то проворчал и пошел провожать незваных гостей.

Как она ждала следующего вторника, как время от времени выглядывала в окно, потому что послышалось, что грузовая машина вошла во двор. Нет, не могла она войти, ворота закрыты, въезд только с ее разрешения.

В субботу до темноты пробыла в больнице, обошла все палаты, со всеми поговорила. Она знала, что через несколько дней эти люди расскажут своим знакомым, какой добрый, заботливый и внимательный доктор в участковой больнице. А за этим авторитет всего коллектива. Вышла, и по освещенной улице направилась в свою квартиру. Шедший навстречу грузовик неожиданно затормозил, погасил фары, хлопнув дверцей, из кабины выскочил Денис.

– Добрый вечер, доктор!

Ирина обрадовалась. Нет, сначала испугалась. Стараясь себя не выдать, как можно спокойней сказала:

– Здравствуйте.

А в сердце пело: «Как долго я тебя ждала! Что же ты не приехал сразу, как понял, что я тебя искала в гараже?!».

– Ты с работы так поздно или со свидания?

Ирина едва успела остановиться, уж совсем собралась объяснять, что в больнице была.

– Молодой человек, а мы с вами на брудершафт еще не пили, чтобы на «ты» перейти.

Денис ответил с улыбкой, она это видела:

– Так в чем дело? Давай выпьем и перейдем, у меня и шампанское есть.

Надо очень быстро соображать, потому что поддаваться его настроению нельзя, это очень опасно для дальнейших отношений, в которые она верит, особенно сейчас, но и резко его одернуть она уже не может. Надо быстро соображать, секунды работают на него.

– Вы довольно агрессивны, но теперь не тот случай. Мы вообще не знакомы, кроме того, что вы пациент нашей больницы, а с незнакомыми мужчинами пить шампанское...

– Да брось ты, Ирина, ты на меня сразу запала, я это понял в той палате, а потом и в гараж приезжала, тоже меня искала. Что мы будем дурку гнать? Я тебе понравился, ты мне тоже, поэтому едем к тебе, и все дела.

– Вы наглец, Денис, каких мало. Вы что о себе думаете...

А он уже ничего не думал, обхватил ее крепкими руками, поймал губы и терзал их до слабого стога женщины.

– Не гони меня, Ира, ты мне сразу понравилась, правда. И про шампанское я не соврал.

Ирина плохо понимала, что говорит и что делает. Она велела ему поставить машину около больницы и пешком подойти к дому. Сама быстро переоделась, он вошел, скинул куртку, снова обнял ее и целовал, тиская в крепких объятиях и ловко поднимая обширный ее халат...

Уже за полночь Ирина принесла из кухни два бокала, конфеты, Денис поднял с пола свою куртку и со смехом достал бутылку водки.

– Извини, шампанского не оказалось.

– А водку я не пью.

– Выпьешь. Ты и меня не признала, а имя назвала. Значит, помнишь. И водки выпьешь глоток за нашу встречу.

Она действительно выпила, брезгливо вытерев губы.

– Бутылку поставь, она нам еще пригодится. Скажи, Ира, тебе понравилось? Ну, признайся, что такого ты еще не испытывала. А я доволен.

Он стал одеваться, Ирина, не сказавшая ни слова, стояла нелепо с бутылкой водки в руках и смотрела, как он одевал брюки, как под байковой рубашкой скрывался его мускулистый и жилистый торс. Он поднял куртку, закинул ее на плечо:

– Ира, я буду к тебе заезжать, если ты не против. А что нам терять? Ты женщина одинокая, я парень холостой. Пей-гуляй, одна живем, как говорится!

И хлопнул дверью.

Ирина села на пол и заплакала. Что с ней такое произошло? Как она могла влюбиться и пойти на поводу у этого грубого и пошлого мужлана? Он использовал ее, как, видимо, вчера и позавчера – других девок и женщин своей и чужих деревень. Он хамовитый и наглый, каких она еще не встречала, он за весь длинный вечер не сказал ей и пары ласковых слов. Он не спросил о ее чувствах, он интересовался, как она оценивает его мужские достоинства. Он привык к тому, что им восхищаются женщины, и считает себя неотразимым. Подлец, даже с шампанским обманул, какая мерзость!

Она бы еще долго нагоняла эти страсти, если бы что-то в сердце не екнуло: а ведь она примет его и завтра и послезавтра, если не забудет, то простит грубость и наглость, будет целовать и прижиматься к его широкой и упругой груди. Она плакала и не знала, от чего. Она еще

не знала, что это та горькая любовь, которая настигает женщин, не сумевших устроить свою личную жизнь в юности и ставших потом разборчивыми и всепрощающими одновременно.

Так и получилось. Денис приезжал часто, конечно, деревня это заметила, но никто даже вида не подавал, только однажды Алексей сильно разбередил душу:

– Меня ты отвергла по этическим соображениям, семью нельзя разрушать. Ладно. А сколько же нравственности в твоих отношениях с Пестовым? Всей округе известно, что он проходимец и бабник, если ты семью с ним собралась создавать, то забудь, мой тебе совет.

Они были вдвоем в кабинете, потому Ирина сказала, как думала:

– Знаю, Алеша, что ты любил меня, и я тебя за это любила. Потом поняла, что не смогу переступить, отказалась, и он подвернулся. Знаю все его недостатки, многие из них есть продолжение его достоинств, прости, но я его полюбила. Эта не такая романтическая влюбленность, что была у нас с тобой, это что-то первобытное, страстное, неуправляемое. Да, я никогда не выйду за него, это было бы ужасно, но сегодня он мне нужен.

Алексей долго молчал, видимо, пораженный откровенностью Ирины, потом вздохнул:

– Конечно, это твое дело. Только не говори о моем чувстве в прошедшем времени.

И вышел, хлопнув дверью.

Свое мнение тайно от жены высказал дед Лександро, когда на выходные Ирина пришла к старикам повидаться и даже ночевать в своей горенке. Как всегда, начал издали, рассказал несколько деревенских историй из прошлой жизни, а потом чуть не прослезился:

– Прости, Аринушка, ты мне как дочь, и старухе моей тоже, потому душа не терпит. Ты такая красивая, умница, на тебя всем сельсоветом налюбоваться не можем, а принимаешь тайно этого парня из Сугатовой. Не думай, что это только твое дело, ты наша гордость и наша радость. И чего ты в ём нашла? Ты бы лучше сперва пришла и спросила: «Дед Лександро, а что ты мне скажешь про такого-то и про такого?». И я бы тебе, милая, все обсказал. Этот парень общеизвестный, ничего не замолчу: красив, подлец, и телом вышел, а вот натура дурная. Я бы так сказал: природный блидун! Единой бабы не пропустит, и сумет же охмурить, вот как тебя. Прости, доченька, я понимаю, ты молодая, кровь играют, и так дальше. Но жалко мне, что такая милая бабочка досталась этому подлецу.

Ирина слушала деда и удивлялась простоте его рассуждений. Все так и есть, только теперь она ничего изменить не может и не хочет.

– Дед Лександро, вы обо мне не переживайте, я ведь не глупая и все вижу. Замуж за него я не собираюсь, повстречаемся и разбежимся.

– Дай-то Бог, дай-то Бог! – Старик перекрестился и вышел из комнатки.

Получив назначение главным врачом районной больницы, Ирина приехала в Березовку, чтобы передать дела своему терапевту Валентине Алексеевне, которую назначила заведующей. Ночевала в своей квартире, собрала в чемодан самые необходимые вещи: пока Бытов не освободит квартиру, придется пожить в гостинице. Увидев свет фар подошедшего автомобиля, наскоро набросила шубку. Калитка была закрыта, Денис ногой попинал ее и стал ждать хозяйку. Ирина вышла, он хотел шагнуть вперед, она его остановила.

– Не понял, Ирина, что за фокусы?

Ирина твердо сказала:

– Фокусы закончились, Денис. Я уезжаю. За два года с тобой я пережила от животной страсти к тебе до ненависти к самой себе за бесхребетность и податливость непростительную. Если бы ты был чуть внимательнее ко мне, а не любовался бы собой даже в постели, ты бы понял, что во мне все перегорело уже давно. На этом наш роман окончен. Я буду работать в районе, не вздумай приезжать, не приму. Мне кажется, и без переезда я бы сегодня тебя уже не пустила.

Денис молчал, не ожидал такой отповеди, потому пытался настоять:

– Ира, брось ты эту демагогию, любишь-не любишь. Понятно, в район я к тебе не набегаюсь, а тут-то? Пошли, чего ты?

Ирину взорвало:

– Свинья ты, Денис, за все добро – такие слова! Да я видеть тебя не хочу, пошел вон! – И, захлопнув калитку, быстрым шагом пошла по скрипящему снегу.

***

Нового главного врача представлял председатель райисполкома Николай Петрович Хевролин. Бытова на церемонию не пригласили, хотя Ирина предлагала, председатель признался, что по его однозначному предложению тот написал заявление, а Семовских поддержал и даже место помог найти, когда узнал, кого район прочит на замену. Хевролин был сегодня сверх меры улыбчив и разговорчив.

– Товарищи, у нас сегодня серьезный повод для собрания. Облздравотдел по рекомендации партийных и советских органов района назначил главным врачом нашей больницы, а, следовательно, и всего района Ирину Николаевну Дзюбину. Вы все знаете, что она проработала несколько лет заведующей участковой больницей, за это время сделала ее образцовой, одной из лучших в нашей области. Партийные и советские органы надеются, что Ирина Николаевна и на новом участке будет работать с удвоенной энергией, значительно поправит дела, а поправлять, товарищи, к сожалению, следует многое. Надеюсь, что коллектив примет нового руководителя как положено, с уважением, и вы вместе будете двигать дело улучшения обслуживания нашего населения. Прошу, Ирина Николаевна, ваша тронная речь!

Ирина смутилась, она и без того сильно волновалась, а тут еще «тронная речь»:

– Речей говорить мы не будем, Николай Петрович. Я благодарю руководство района и облздравотдела за высокое доверие. Конечно, буду стараться доверие оправдать. Дел у нас много, очень надеюсь на поддержку всего коллектива: и врачей, и средних медработников, и обслуживающего персонала. В нашем деле и такое бывает, что жизнь пациента зависит даже от электрика, например. Прошу всех работать в том же режиме, что и планировался накануне, я буду знакомиться с отделениями, со всеми службами, потому никаких планерок проводить пока не буду, а все вопросы сугубо медицинского плана прошу решать с заместителем по лечебной части.

Знакомство с вверенной ей больницей затянулось. В хирургическом отделении было так холодно, что больных накрывали их собственной верхней одеждой, в родильном доме в каждой палате стояли электрические обогреватели, отчего предохранители постоянно выбивало, а заведующая роддомом призналась, что медсестры сами ставят «жучки», и она боится пожара. В поликлинике Ирина едва протолкнулась через густую толпу людей, стоящих в очереди в регистратуру. Теснота, холодно, неудобно. В гараже шофера встретили вопросами, чем отремонтировать машины. В отделении скорой помощи девчонки-фельдшера чуть не плачут: одна машина, а вызовы каждый час, даже райцентр не успевают обслуживать. Вчера к сердечнику приехали через два часа, уже поздно. Кухня чем-то напомнила старую березовскую: жар от плит, дымно, повар, пожилая женщина, вытерла лоб полотенцем и обвела рукой свое хозяйство:

– Была я у вас на кухне, Зиночка нарадоваться не может, и плиты, и посуда. А мы тут совсем запурхались, и ничего допроситься не можем. Ирина Николаевна, грех сказать: никаких диет, хоть бы одно что приготовить.

Через неделю собрала врачей:

– Сразу хочу предупредить, чтобы не было такого толкования, что я хочу в чем-то обвинить предыдущего руководителя. Обстановка у нас действительно, не простая, и всех проблем сразу не решить. Потому предлагаю принять самые простые меры – организационные. Я сегодня попросила согласия профсоюзного комитета и приняла решение продлить часы

приема в поликлинике. Прошу заведующих отделениями определиться с субботником или воскресником – называйте как угодно – по наведению порядка. Начните с себя, мне, право, неудобно говорить с врачами о их внешнем виде.

Вечером, сидя в продавленном бытовском кресле, она с удивлением отметила, что все повторяется, она идет тем же путем, что и четыре года назад в участковой больнице. Руководителем был мужик, мужчина, ему ли не решить все эти проблемы за тринадцать лет работы? Нет, ничего не сделано, не построено ни одного нового корпуса, вот только гараж. Кстати о гараже. Она набрала телефон квартиры директора Сугатовского совхоза Еремеева.

– Иван Сергеевич? Нет? Простите, а можно его к телефону?

Подождала с минуту, понимая, что это кто-то из сыновей.

– Слушаю

– Иван Сергеевич, извините, что домой звоню, здравствуйте!

– Здравствуйте, Ирина Николаевна, рад слышать и поздравить с повышением.

– За поздравление спасибо, хотя радость не велика. Тут положение еще хуже, чем было у меня в Березовке. Иван Сергеевич, у нас две машины скорой помощи стоят, нужен ремонт, но нет нарядов и договоров. Помогайте.

Еремеев помолчал.

– Давайте так, Ирина Николаевна...

– А с чего это вы со мной так официально? Или я в чем-то провинилась, Иван Сергеевич?

– Что ты, дорогая моя, просто ты теперь большой начальник, надо субординацию соблюдать. Впрочем, глупости говорю. Давай так решим: завтра к тебе приедет мой завгар, он толковый мужик, посмотрит, определит, что и как, а потом будем ремонтировать. Согласна?

– Спасибо, Иван Сергеевич. Простите, а кто мне отвечал?

– Старший мой, Григорий, приехал по делам в район, жену с собой взял, у родителей пару дней проведут. Приезжай, познакомитесь.

– Извините, совсем времени нет. Еще раз спасибо. До свидания.

Вдруг стало грустно. Да, двадцать семь, родителей нет, семьи нет, детей нет. Улыбнулась: надо было от Алексей родить, красивый был бы мальчик. Скорее всего именно мальчик, потому что две девочки у него уже есть. И что потом? Одна с ребенком, у которого незаконный отец? Или пойти на крайность и увести Алешу от жены и дочек? Да это немислимо! Стало быть, пока одна, а там видно будет. А что видно – и сама не могла бы объяснить. Выход только один: впрягаться в работу, чтобы ни минутки не было свободной.

Сугатовский завгар зашел после осмотра машин:

– Одну мы исправим на месте, раздатку я привезу, а другую надо тащить на ремзавод, наряд у меня найдется, раз директор пообещал.

Ирина кивнула, поблагодарила, гость вышел, она снова села за стол и охватила голову. Сегодня впервые за все время работы руководителем она сорвалась, потеряла контроль, говорила очень громко и очень грубо. Это плохой признак, то ли нервы расшатались, то ли личные неурядицы сказываются – в любом случае это не красит главного врача. В комхозе директор может наорать, в любой конторе, но в больнице и на врача...

Ирина пришла в хирургическое отделение, когда все ходячие больные собрались на обед. Поздоровалась, присмотрелась, что в тарелках. Суп-лапша, правильно, недавно она договорилась на ближайшей птицефабрике и закупила центнер обработанных кур. И вдруг обратила внимание: пациент поел первое и стал есть булочку с компотом. Подошла:

– А второе вы не стали получать?

– Как не стал? – улыбнулся мужчина и поднял над столом булочку. – Вот это и есть второе.

Ирина позвала сестру, та кивнула:

– Да, сегодня опять булочка на второе.

– Опять? И часто так бывает?

- Уж с год, наверное, каждый вторник.
- Ну да, – согласилась Ирина. – Вторник булочка, четверг минтай.

Быстрым шагом пошла на кухню. Повар с помощницей чистили картошку к ужину.

Ирина сорвала со стенки меню:

- Кто составлял?
- Диетсестра, как всегда.
- Почему на второе булочка?
- Не знаю, Ирина Николаевна, так принесли, так и сделали.
- Кто подписал меню?
- Диетсестра и подписала.
- А дежурный врач? Он видел все это?
- Никто не был, Ирина Николаевна.

Прошла в кабинет, почти крикнула секретарше:

- Срочно ко мне заместителя по лечению!

Когда Екатерина Сергеевна вошла в кабинет, Ирину потрясывало от негодования. Пытаясь сдерживать себя, она тихо спросила:

- Вы считаете питание одним из лечебных факторов?
- Конечно, Ирина Николаевна.

– Скажите, а булочка относится к кондитерским изделиям или она на одном уровне с котлетами?

Екатерина Сергеевна растерялась:

- Я не понимаю, о чем вы?

Ирина почувствовала, что ее понесло:

– Как вы, врач, отвечающий за лечение, могли допустить, что в больнице подают булочку с компотом вместо второго блюда? Как вы могли допустить, что вопросы питания больных решаются поваром и полуграмотной диетсестрой на кухне? Как вы допустили полную анархию, когда дежурный врач приходит на кухню только чтобы перекусить?

Екатерина Сергеевна побледнела и склонила голову:

- Прошу меня освободить от обязанностей заместителя, я уйду на прием.

Ирина Николаевна резко ответила:

– Нет! Будете наводить порядок. Сегодня же замените диетсестру, разработайте хотя бы три диеты. Вы свободны.

Ирина заговорила о диетах, потому что к концу недели подвезут новое оборудование для кухни, можно будет готовить.

Сразу после этого крупного разговора пришли две медсестры:

– Ирина Николаевна, мы с Аллой не можем работать на приеме в поликлинике до семи часов, у нас дети в садике.

- Детей мужья могут забирать.

– Они тоже работают.

– Вот видите, мужья работают после пяти, и это нормально, а если жены – то уже проблема. Решайте ее дома, пожалуйста. Я не буду из-за ваших капризов менять график работы поликлиники, люди его приняли и одобряют. А мы, медики, должны идти навстречу пожеланиям трудящихся, тем более – больных.

Молодые женщины переглянулись:

- Тогда мы будем увольняться.

Ирина кивнула:

- Это ваше право.

Когда посетительницы ушли, она пригласила секретаршу и все выспросила: кто они, как фамилии, с кем из врачей работают, где трудятся мужья, как зовут начальников этих органи-

заций. Потом оказалось, что детский садик – это проблема почти всех молодых фельдшеров и медсестер, которым приходится работать во вторую смену, так что частным вмешательством этот вопрос не решить. Пошла к Хевролину.

– Ничего не скажу, это ты хорошо придумала, что организовала прием больных вечером. С утра деревенские прошли, к вечеру райцентровские. Правильно. Только надо просчитывать последствия своих решений. Вот видишь, уже конфликт, а он нам не нужен. Я поручу товарищам, они будут в обоих садиках оставлять одного воспитателя на вечер, пока твои барышни не заберут детей. Ведь просто, правда? А если бы мы с тобой сразу все обговорили, было бы еще краше!

В субботу решила уехать к старикам в деревню, отоспаться, в гостинице всегда шумно до полуночи, а в шесть она уже встает. Водителя беспокоить не стала, сама пришла в гараж, завела новенькие «жигули». Только выехала на территорию – бежит заведующий хирургией Шиманов и машет рукой.

«Господи, что у них там?» – подумала Ирина и остановилась. Заведующий, плотный сорокалетний мужчина, с авторитетом хорошего хирурга и любителя выпить в любое время, был явно взволнован:

– Ирина Николаевна, мы собрались уборку делать, а завхоз краску не выдал и кисти.

– Найдите его, Федор Александрович!

– Да нет нигде, а время идет! Я больных почти всех выписал вчера или отпустил до понедельника. Можно, мы все купим и счета возьмем? Там и Подкурков со своей терапией в таком же положении.

– Конечно, можно, и напрасно меня искали. Берите ответственность на себя, принимайте решения сами.

Федор Александрович засмеялся:

– За столом я все решаю сам, а тут иное дело.

Ирина улыбнулась:

– Федор Александрович, мы, конечно, имеем в виду операционный стол, правда?

– Да конечно, Ирина Николаевна.

Уехала она с хорошим настроением.

***

Ночью ее разбудил телефон. Она еще плохо ориентировалась в квартире Бытова и не сразу вспомнила, что телефон в коридоре. Схватила трубку и глянула на часы: половина второго.

– Ирина Николаевна, Шиманов, извините. Тяжелый случай, нужно ваше присутствие. Автоавария, женщина в тяжелом состоянии. Мы в реанимации.

Бросила в сумку халат, побежала к отделению. В приемном покое увидела Еремеева, на нем лица нет – бледный, растрепанный.

– Иван Сергеевич, что с вами?

– Не со мной, Ирина Николаевна, с детьми моими, сбил их на дороге «Камаз», прицеп занесло, Григорий с переломами, а Софьюшка совсем плоха.

– Извините, я к ним.

Шиманов и Подкурков стояли над прикрытым простыней телом женщины, аппарат искусственного дыхания уже отключен, капельницы безвольно свисают со штативов. Ключки окровавленной ваты и бинтов лежит в тазике.

– Привезли без сознания, почти без давления и пульса. Мы сделали все, что можно и что нужно. Скорее всего, разрыв печени, возможно, и других внутренних органов, – шепотом доложил Подкурков.

– Прямо сейчас оформите историю, все подробно. И на вскрытие. Это авария, будет расследование. А как мужчина?

– Он в сознании, но шок сильнейший. Перелом руки, нескольких ребер, видимо, чуток сотрясение, потому что есть гематома на лбу слева.

– Прошу вас, товарищи, остаться с больным и сделать все, что необходимо. Пока ни слова о смерти жены. И для сведения: он работник обкома партии, хотя для нас это никакого значения не имеет. – Она вышла, надо идти к Ивану Сергеевичу со страшным известием. Ей никогда еще не доводилось информировать родственников о смерти пациента, а тут хороший знакомый, почти родной человек.

Еремеев стоял в коридоре и ждал. На фикусе в кадке много желтых листьев. Ирина подошла и молча обняла его:

– Иван Сергеевич...

– Я понял, Ирина. Я знал, что после таких аварий не выживают. Как Григорий?

– Перелом руки и ребер, ничего опасного, но шок еще не прошел. Я думаю, не надо пока ему ничего говорить. И к нему нельзя. Пойдемте ко мне, Иван Сергеевич, вам надо отдохнуть. – Она позвала медсестру, ввели успокоительное, Еремеев согласился и пошел вслед за Ириной. Снег грустно хрустел под ногами.

Она постелила ему на диване в детской комнате, приспособленной для гостей, сама села к телефону в своей спальне:

– Андрей Арсентьевич, как состояние Еремеева?

– Шиманов наложил гипс, жесткую повязку на ребра. Сделали рентген, других проблем нет. И ребра удачно сломались, без осколков. Вы ему сами скажете?

– Не знаю. Его отец у меня, мы старые знакомые, но только с отцом. Я подумаю.

Утром старшего Еремеева пустили к сыну. Он лежал в палате один, только что проснулся после большой дозы снотворного, наверное, по виду отца обо всем догадался.

– Папка, это правда?

Отец кивнул:

– Правда, сынок. Спасти Софьюшку не было никакой возможности. Крепись, Гриша!

Мужчины помолчали, Григорий пытался подняться, но боль сковала, и он упал на койку. Вошел Шиманов:

– Вам надо полежать хотя бы пару дней, потому что сейчас могут проявиться еще какие-то нарушения, все-таки удар был сильным. Григорий Иванович, примите наши соболезнования. Мы вас отпустим под наблюдением, чтобы проститься с женой.

Григорий отвернулся к стенке и заплакал.

Тело единственной своей невестки Иван Сергеевич привез в свой дом, так договорились с Григорием: ехать до города ему нельзя, а отпускать ее одну он не согласился. Отец осторожно намекнул, что можно похоронить дома, сын ухватился за эту мысль, теща себя надеждой побыть с женой хоть сколько-то больше. Иван Сергеевич съездил домой, попросил женщин из своей конторы помочь выбрать какую надо одежду, у Сонюшки с собой целый чемодан с платьями и кофтами, мужниными сорочками, даром что на три дня ехали. Отец видел, что сын его два дня подряд одну рубаху не носил, и брюки сам не утюжил. Женщины показали светло-вишневый шерстяной костюм, кажется, Соня его ни разу здесь и не доставала. Иван Сергеевич усомнился, уместен ли столь веселый цвет, а супруга, уткнувшись в свернутую ткань, утолив слезы, прошептала, что Сонюшке очень к лицу был этот наряд, и пусть она идет в нем, и никто не осудит, потому что чиста она перед людьми и Богом.

Гроб, сделанный в совхозной столярке, обили красным бархатом, и лежала Софья Еремеева, будто отдохнуть прилегла. Год назад здесь отгуляли свадьбу, вон в ту комнатку отец с матерью отправили молодых, а сами ушли в избушку на ограде. Клава, как гостей проводили, смущенно шепнула мужу, что простынку с брачной постели невестка с собой увезла, не кинула

в стирку. Иван Сергеевич тоже чуть смутился, но кашлянул и ответил, что так и должно быть, Еремеевы сроду подержанных баб не собирали, и крепко обнял жену.

Григорий с Соней часто приезжали в деревню, летом пару дней успевали поработать на сенокосе, Гриша стоял у стога с вилами, подавал наверх по целой копне, Соня в простеньком свекровкином платьишке и белом платочке с грабельцами ходила за копновозами. Смуглая, крепенькая, она смущала молодых парней и мужиков, но никто даже слова не мог позволить. Только старый фронтовой товарищ Еремеева как-то спросил:

– Сергеич, а невестка твоя какой нации?

Иван оторопел:

– А хрен его знает, какой. Нашей, советской нации.

Не унимался дружок:

– Вот гляжу на нее: или кавказских кровей, или еврейских?

Иван рассердился:

– Что ты привязался? Нет у ней никого родных, из детдома пошла в медучилище, отличницей окончила, сразу в институт. А ты чем недоволен?

Друг обиделся:

– Сразу и «недоволен»! Спросить нельзя! Красивая она не по-деревенски, вот что в глаза кидается. Как говорится, жгучая блондинка!

Иван захохотал:

– Брюнетка, старый ты бабник!

– Согласен. А так – само собой, наших кровей, советских.

– Э-э-э! Дошло! Тундра!

Осенью, во время хлебоуборки, оба приходили на склад, Гриша, как природный механизатор, находил себе работу с железом, а Соня брала широкую хлебную лопату и вместе с женщинами подгробала зерно к транспортеру. Бабы, в ожидании следующей машины, сидели прямо на ворох зерна, снимали платки, подсушивали волосы.

– Софья Варнавична, и охота вам вместе с нами вкалывать? Приехали в гости, так и гостили бы, отдыхали. – Женщины немножко стеснялись, знали, что она сноха директора, да к тому же врач. – А вы по какой части доктор?

Соня улыбнулась:

– По нашей, по женской.

И сразу оживились, молодуха, только месяц, как замуж вышла, сразу к ней:

– Ой, девки, припухли все и уши завесили! У меня личный вопрос!

И ну шептать Софье на ухо, та слушала-слушала, и улыбнулась:

– Ну, и что вы хотели? Чтобы муж ваш пошел на соседнюю улицу?

Молодуха возмутилась, не хочет этого:

– Но я не высыпаюсь из-за него, ирода!

Софья серьезна, она врач, ей нельзя смеяться, хотя все бабочки уже ухохатываются на том склоне вороха.

– Тебя как зовут?

– Фрося. Ефросинья.

– Муж любит тебя, ты это чувствуешь?

– Жалеет, робить шибко ничего тяжелого не дает, все ему сына надо.

– А ты ему объясни, что таким методом он может сына и не дожидаться. Объясни, что организм твой должен отдохнуть, подготовиться, тогда и ребеночек будет.

Так за день чуть не все с докторшей перешепчутся...

В этот день приударивший было мороз сник, с юга потянул теплый ветерок, снег обмяк, пахнуло весной, хотя только начало декабря. На «скорой» привезли Григория, друзья-ровесники помогли войти в дом, раздеться. Иван Сергеевич строго-настрого наказал жене и всем

родственникам при сыне сдерживать себя, ему и без плакальщиц тошно. Григорий сел в кресло у изголовья Сони и молча смотрел на любимое лицо. Висящая в доме тишина нарушалась лишь редкими всхлипываниями.

– Эх, Сонюшка ты моя дорогая, почему не захлестнуло меня с тобой в ту минуту? И как я буду жить без тебя на этой земле?

Отец насторожился: если парень сорвется, придется увезти в больницу, так предупредила Ирина Николаевна. Он просил ее приехать, она сослалась на недомогание, но пообещала, что к прощанию обязательно будет.

Русская деревня еще не утратила способности сопереживать и соболезновать не на словах, люди шли, знакомые и не очень, шли, чтобы своим появлением и присутствием поддержать своего директора, его семью в таком горе. Гроб вынесли, поставили в кузов грузовика, вереница молчащих людей прошла до кладбища, каждый бросил в зияющую яму три горсти холодной и липкой земли. Установили сваренную в мастерских железную пирамидку с именем и датой, написанными клубным художником. Еремеев пригласил всех в столовую на горячий обед. Ирина подошла к сидящему на табуретке Григорию:

– Григорий Иванович, примите мое искренне соболезнование. Я бы просила вас вернуться в больницу.

Григорий не поднял головы:

– Мне все равно. Везите. Папка, прошу тебя, приезжай вечером, иначе я сойду с ума.

Ирина поняла, что действие введенных препаратов заканчивается и кивнула доктору: «Пора!». Машина на малой скорости пошла в сторону райцентра. Она подошла к Ивану Сергеевичу и Клавдии Петровне.

– Мы продержим Григория Ивановича еще пару дней, и потом передадим в областную больницу. Так будет лучше. Простите, но мне нужно ехать. Я буду вас навещать.

Патологоанатом молодец, после вскрытия Софьи ни слова никому, пришел к главному:

– Ирина Николаевна, погибшая беременна, первый месяц. Едва ли и сама догадывалась. Это указывать?

– Акт мы обязаны вручить родственникам. Только не сейчас. Начнется следствие, все равно этот факт всплывет, но только позже. Вы же понимаете, что это известие окончательно добьет мужа. Отправим пациента в область, потом видно будет.

Еремеевым она тоже решила ничего пока не говорить.

***

Еще накануне октябрьских праздников Хевролин попросил Ирину приехать в исполком. Встретил в дверях, крепко пожал руку, пригласил за стол:

– Все жду от тебя предложений, а ты помалкиваешь. Неужели вся энергия в Березовский свисток ушла?

Ирина насторожилась:

– Что вы имеете в виду, Николай Петрович?

Председатель засмеялся:

– Строительство, дорогая Ирина Николаевна, то, чем ты так успешно занималась раньше.

Ирина кивнула:

– Честное слово, так много дел и проблем местного масштаба. А строить надо. Конечно, вру, что не думала, у меня даже один рисунок есть, сейчас покажу.

Она раскрыла портфель и вынула сложенный книжечкой лист ватмана, развернула его на столе:

– Вот болото, которое сегодня за хозпостройками. Надо его расчистить, углубить, обсадить красивыми деревьями. Это будет центр нашего больничного городка.

– А вокруг у тебя что за квадратики?

Ирина улыбнулась:

– Это прямоугольники, Николай Петрович, и обозначают они корпуса нашей больницы. Вот это поликлиника, это терапия, дальше хирургический корпус, администрация, родильный дом, детство и «скорая помощь». А по ту сторону инфекционное отделение, морг, извините, потом гаражи и кухня. Все постройки закольцованы вокруг нашего красивого пруда. Думаю даже, что корпуса можно соединить теплыми переходами, не все, но основные надо. Нравится, Николай Петрович?

Хевролин без улыбки смотрел на эту схему. Ведь он сам, проходя по этому участку на работу и обратно, видел, что просится вся эта местность под какое-то единое оформление, а вот что больницу можно сюда сместить, и в голову не пришло. Да и что доброе можно было сделать с Бытовым? А теперь, глядя на примитивный план Дзюбиной, уже чувствовал, что уже заразился идеей больничного городка. Все-таки молодец эта бабочка, хорошо мыслит, а в душе щипнуло: «А ведь и я об этом же думал...».

– Думы думками и планы планами, Ирина Николаевна, но воплощать эту идею будет ой как непросто! Я переговорю с первым, он мужик практичный, если смысл увидит, тогда дело пойдет. Это будет такой проект, на который всем районом придется работать. – Он замолчал, рассматривая план.

– Николай Петрович! – Ирину насторожило столь длительное молчание председателя. – Вы считаете такой проект преждевременным?

– Да что ты, предложение очень толковое. Ты оставь этот ребус, я его первому покажу. Кстати, ты напрасно его избегаешь, он тут высказал обиду, что после утверждения в должности ни разу в райкоме не была.

– Так я же беспартийная, что мне в райкоме решать? Есть вопросы – я к вам.

– Вот в этом и дело. Думаю, после нашего с ним рассмотрения твоей картинки он тебя обязательно вызовет, либо скажет, чтоб не увлекалась фантастикой, либо предложит какой-то вариант. Ну, мы с ним определимся.

С первым секретарем райкома Алтуфьевым у Хевролина отношения были осторожно-натянутыми, тот моложе чуть не на десять лет, работал в исполкоме южного района, пришел после Московской партшколы, а Николай Петрович сельхозтехникум заочно, институт тоже за семь лет, но работу видел и знал, как ее делать. Первому в обкоме так и сказали:

– На председателя райисполкома можете смело полагаться. Честнейший и порядочный человек, понимает, что это его потолок, потому работает с перспективой. У него иногда возникают неожиданные проекты, на первый взгляд – бред, а вникнешь – верное направление.

Семен Макарович Алтуфьев в район вжился легко, с людьми сходилась просто, с руководителями знакомился постепенно, но чаще всего признавал, что человек на месте и дергать его не следует. На втором году работы во время хлебоуборки в район приехал председатель облисполкома Кузнецевский, и хоть не прямой начальник, но член бюро обкома партии, поэтому сопровождать его по району поехал сам. В конце дня заехали на обмолот овса, урожайность хорошая, только комбайны за месяц каждодневной работы разболтались, железо от железа отстает, и дали на этом поле такие потери, что овес прямо струйками вытекал из шнеков. Кузнецевский пнул хромовым сапогом по такому ручейку и приказал остановить комбайны. Шоферу техпомощи велели срочно найти директора Худякова, но тот и сам подъехал минут через пять.

– Это что? – Кузнецевский со злобой пнул кучку овса, и земля с сорняками обсыпала брюки директора. Тот побагровел, отряхнул брюки:

– Поаккуратней, пожалуйста, товарищ председатель, на нас люди смотрят.

Кузнецевского понесло:

– Ты еще указывать мне будешь? Люди! Эти люди сегодня нанесли огромный вред государству, втоптали в грязь тонны фуража, на котором можно было бы вырастить центнеры мяса. Ты знаешь, какое положение в стране с мясом? Ты выполняешь планы по мясу?

Худяков оглянулся на столпившихся комбайнеров и шоферов и неожиданно сказал:

– Товарищ Кузнечевский, я вижу вас первый раз и дай бог – последний, потому не позволю со мной так разговаривать. Я директор совхоза, и требую нормального обращения.

Алтуфьев знал, что Кузнечевского уже не остановить, хотел увести Худякова, но тот уперся:

– Семен Макарович, я знаю про нашу беду, потому и поставит самые старые комбайны на овес, а не на семенную пшеницу.

Кузнечевский чуть успокоился и объявил:

– Вас, гражданин Худяков, я с должности снимаю. Сегодня вечером бюро райкома рассматривает вопрос о вашей партийности. И в уголовном порядке ответите за брак и потери. Все. У меня больше вопросов нет. Поехали, – кивнул он Алтуфьеву.

Алтуфьев задержался, крикнул Худякову, чтобы подправили комбайны и продолжали молотить, и чтобы вечером никуда не спешил, бюро не будет. Когда сел в машину, Кузнечевский с усмешкой заметил:

– Слезы вытирал директору? Вот доработались, сознательно гоним зерно в потери, и еще углы загибаем! Алтуфьев, ты молодой первый, не иди на поводу толпы, дурно кончишь.

– Андрей Альбертович, вы сегодня оскорбили одного из старейших руководителей а районе. Да, повод критиковать есть, но это установка райкома: вывести в поле все, что может молотить. Даже с потерями. Вы сами знаете прогноз, через два дня снег, и тогда мы теряем все.

– Хорошенькое дельце! Первый секретарь райкома берет под защиту вредителя.

– Андрей Альбертович, ну, что за выражения?! Завтра на это поле выгоним дойные гурты, и коровушки соберут все наши потери.

Кузнечевский заворочался в тесном сиденье:

– Как я понял, мое указание снять директора с должности и исключить из партии вы игнорируете?

Алтуфьев улыбнулся:

– Игнорировать не будем, обсудим, но на работе и в партии оставим, я думаю.

Больше никуда Кузнечевский ехать не пожелал, у райкома пересел в свою «Волгу» и в открытую дверь предупредил:

– Я сейчас же поставлю в известность первого, пусть он возьмет этот вопрос на контроль.

Первый позвонил в одиннадцать часов вечера сначала на квартиру, но жена сказала, что искать мужа надо в кабинете, он собирал бюро.

– Что у тебя Кузнечевским? Он жаждет крови, а ты вроде против. Говори. Только самую суть.

На «самую суть» ушло десять минут эмоционального рассказа, и про пинки в сторону директора, и про подчеркнутое неуважение рабочих, присутствующих при разговоре.

– Бюро, ты, конечно, по этому поводу собирал? И что решили? Не отдавать товарища и соратника? Решили правильно, я тебе по секрету скажу: Кузнечевский завтра выезжает в ЦК на беседу, ему предлагают в Минсельхозе должность третьего зама. Он рад. Скажу по чести, и я тоже. Будь здоров.

Этот случай крепко добавил авторитета первому секретарю и укрепил его отношения с руководителями.

Хевролин попросил специалистов строительного отдела выехать на местность и составить настоящий план в масштабе в соответствии с размерами зданий, указанными главным врачом, и теперь любовался картинкой. «Да, – Хевролин довольно крякнул, – соблазнительный проект, но в область с ним соваться нет смысла, в лучшем случае внесут в титул один объект, и будь

доволен. При таких темпах за всю оставшуюся жизнь председателю райисполкома по галереям из корпуса в корпус не перейти. Он снял трубку:

– Семен Макарович, надо с полчасика спокойного разговора.

– Я свободен. Заходи.

Алтуфьев не сразу понял, что за строительный микрорайон, а когда прочитал заголовок, снял очки и сел:

– Это тебя опять докторица искушает?

– Ну, Семен Макарович, затея-то умная, грех, если упустим. Налепим этих тюремных корпусов, глаза бы мои не смотрели. А тут? Посредине пруд, больной вышел, свежим воздухом подышал. Вот эти посадки – не тополя и акации, то разные деревья, которые Дзюбина клятвенно обещала завезти чуть не со всей страны. А клумбы? Она мне десять цветков называла – единого не запомнил. Но как представляю – сердце поет!

Алтуфьев захохотал:

– Я даже слова этой песни знаю: «Дяденька финансист, дай копеечку». Да, забирает под самую дыхалку эта картинка. Давай так: завтра с утра встречаешься с начальником управления и главбухом, так, в общих чертах, что мы сможем заложить в план и под каким видом. Поликлинику в ближайшие годы едва ли разрешат, а общежитие смело. Жми на два. Поручим Стукалину и Реневу. Да, мелиораторам в план работы по пруду. Слушай, как ей в голову пришло болотину в пруд превратить? Так, а завтра на три часа всех руководителей ко мне, будем чай пить, и обсуждать проект имени товарища Дзюбиной.

Собрались в кабинете партийной учебы, столы сдвинули, чтобы друг друга видеть. Хевролин кивнул Ирине Николаевне:

– Садись около первого, я буду рядом.

Принесли чай, конфеты, печенье. Три самовара украсили столы. Девушки-инструкторы наполняли чашки и подавали гостям. Директора совхозов, председатели колхозов, руководители предприятий и организаций не впервые вместе, но чтобы в райком вызвали чаю попить – это казалось странным. Без вступительной речи первый предоставил слово главному врачу районной больницы Ирине Николаевне Дзюбиной.

Ирина обстоятельно готовилась к этому выступлению, с Николаем Петровичем обсудили, что сказать, а уж как это сделать. Хевролин с улыбкой предоставил ей. Она специально надела темный официальный костюм, чтобы мужчины слушали, а не изучали ее. Говорила об общем уровне заболеваемости, о слабой диагностике, о детской смертности, потому что рождаем в антисанитарных условиях. Никто не придет и не создаст нам идеальные условия. Мы должны все сделать своими руками.

Она сняла легонькую занавеску со схемы, и застолье затихло, даже кружки звенеть перестали.

– Вот, товарищи, план будущего больничного городка. Здесь все реально, и пруд с прогулочными лодками, и парк с десятком разных деревьев, и цветники...

– Кроме почти десятка двухэтажных кирпичных зданий, – вклинил кто-то. На него зашикали.

– Почему вы такой пессимист? Сегодня решен вопрос по двум объектам, важнейшим для нас – поликлинике и родильному дому. Их будут строить два хозяйства.

– И кто эти счастливики?

– Юрий Михайлович, перестань ерничать, доктор и без того смущается, – одернул первый.

– Этого доктора смущать... – но сказал тихо, почти никто не слышал.

Первый поблагодарил докладчика и пригласил сесть рядом с собой.

– Суть дела изложена предельно ясно. Два объекта, о которых говорила Ирина Николаевна, будут включены в план, но под видом общежитий. Я специально пригласил банкира

и финансистов, чтобы все знали, что и как делается. Чтобы ускорить работы, предлагается объединить силы двух хозяйств на одном объекте. Ваша задача – по чертежам и схемам медиков построить и под ключ сдать голые здания, начинка – это проблема облздрави, Николай Петрович говорил сегодня с заведующим товарищем Семовских, он рад нашей инициативе и обещает всестороннюю помощь.

– Семен Макарович, вы знаете, что хозяйства в основном определились, что строить и ремонтировать, получается, что этот патриотизм сверх наших расчетов.

– Вы совершенно правильно ставите вопрос. Я только что хотел говорить и об этом тоже. Прежних планов никто не снимает. Все, что запланировано, должно быть сделано. Понятно, что и материалы, и бригады – это дополнительные заботы, но по-другому никак.

– Разрешите вопрос. – Встал прокурор района. – Объекты неплановые, практически без проектно-сметной документации, это прямой путь к хищениям и тюрьме.

– Товарищ прокурор сказал то, что он обязан был сказать, и все это слышали. Мы идем на огромный риск. В ваших руках будут тысячи, десятки тысяч рублей. Это большие деньги. И не дай бог – у кого-то появится соблазн положить хоть копейку в собственный карман. Прощения не будет. Да и контроль будет серьезный. Теперь по поводу товарищей, которые по долгу службы обязаны были бы сегодня пресечь этот наш проект. Но они этого не сделали и не делают. Прошу всех иметь в виду: партийные билеты у нас у всех одного цвета.

***

Ирина взяла за правило регулярно проводить обходы, быстро названные обходами главного. Она никому не сказала, что узнала о такой форме работы на семинаре в одной из районных больниц, которую Семовских считал лучшей в области. Два дня они ходили с врачами, беседовали с больными, присутствовали на приемах и даже на операциях. На подведении итогов Юрий Николаевич спросил Дзюбину:

– Что хорошего, Ирина Николаевна, вы для себя взяли на этой учебе?

– Первое: обходы главного врача. Очень хорошая форма контроля, дисциплинирует всех. Второе: выезды врачей со «скорой». Это эффективная помощь больному, фельдшер может не знать, не уметь, а это часто потеря человека.

– Так. А продление времени приема больных в поликлинике?

– Юрий Николаевич, извините, мы это уже второй год практикуем.

– Почему я об этом ничего не знаю? – Он суровым взглядом обвел областников. – Молодец, Ирина Николаевна.

Ровно в девять после утренней планерки в отделение шла главный врач, все заместители, главная сестра, шеф-повар, завхоз. Заведующий отделением, его врачи и медсестры присоединялись на месте. Заходили в каждую палату, задавали самые разные вопросы. Больные, уже прошедшие такую процедуру, охотно делились своими замечаниями и предложениями.

В хирургическом отделении Ирина заметила мужчину, который лежал на этой же койке три недели назад. Взглядом запросила историю болезни, старшая сестра быстро перерыла папки и подала объемный документ.

– Федот Матвейч, с чем вы поступили в больницу?

– С аппендицитом, чтобы его холера задавила.

– Вам его вырезали?

– Два раза. Теперь обещают третий.

Заведующий отделением покраснел, смутился.

– Понимаете, Ирина Николаевна, первую операцию делал практикант, не досмотрели, сестра не досчиталась одного тампона. Я испугался, что оставили. Пришлось вскрывать. Оказалось, что практикант машинально пихнул его в карман халата.

– В карман во время операции? Доктор Шиманов, я вами недовольна. Минутку, Федот Матвейч, кто вам сказал, что будут резать еще раз?

– Дак доктора и сказали. Я вот думаю, дочка, этим робятам не надо иголку с ниткой давать, пусть вязочки пришивают или пуговики с петелькой, раз – и готово. А то третий раз резать человека. Я уж их теперича боюсь.

– Меня это начинает бесить. А сейчас-то что? Скальпель уронили?

– Разошелся внутренний шов, грыжа. Видимо, практикант не учел возраст и состояние кожи пациента.

– Федот Матвейч, я главный врач больницы, прошу простить нас за такую безалаберность. Поверьте: виновные обязательно будут наказаны. А эту последнюю не очень сложную операцию вам будет делать сам заведующий отделением. Простите нас.

Сразу после обхода вызвала Шиманова в кабинет.

– Практикант оперировал в вашем присутствии?

– Нет, с ним должен был быть Юрий Иванович.

– Должен быть или был?

– Не могу сказать.

Дзюбина встала:

– На сегодня вас от работы отстраняю. Спирт теперь будете получать у старшей сестры непосредственно перед операцией. Федор Александрович, вы хороший хирург, но возьмите себя в руки, вам совсем нельзя пить. Что за люди по утрам в ординаторской? Друзья? Собутыльники? Сегодня будет проведено служебное расследование, и, если только подтвердится, что во время операции этому старику вы были не трезвы, я вас уволю. Свободен!

Через два часа заместитель по лечению пришла в кабинет:

– Ирина Николаевна, они все так любят Шиманова, что в голос твердят: был трезв, как стеклышко!

Ирина кивнула и подумала: «Врут, конечно, и не понимают, что только усугубляют его положение».

В инфекционном отделении ее подвели к пожилому человеку, выглядел он беззаботно, с приходом врачей сел на койке.

– Алебастров Евлампий Спиридонович. Пять дней назад направлен к нам инфекционистом с приема с диагнозом дизентерия. Диагноз ни подтвердить, ни отклонить не можем.

– Почему? Так сложно?

– Конечно, сложно, Ирина Николаевна, потому что он в туалет не ходит. То есть, вообще-то ходит, но тайно, пробу на анализ не дает.

Дзюбина обратилась к пациенту:

– Чем вы можете все это объяснить?

Он пожал плечами.

– Понимаете, у нас есть свои правила, и, если вы их не соблюдаете, мы вас выпишем. Вызовите инфекциониста с приема. Почему вы не сдаете материал на анализ?

Алебастров пожал плечами:

– Какой материал?

Дежурная сестра не выдержала:

– Тебе тысячу раз объясняли: говно!

– А у меня нету.

Прибежала инфекционист.

– По каким признакам вы направили пациента в стационар?

– Исключительно по жалобам на боли в животе и жестокий понос. Он у меня с приема дважды порывался в туалет.

– А в отделении пятый день кал взять не могут? Это что?

Вперед вышла санитарка отделения, зло глянула на пациента и как отрезала:

– Жадный он. Жмот. Пенсию получают с женой, ее деньги проедят, а он свои в карман и в больницу. Жрёт тут в три горла, а бабенка на одной картошке перебивается.

– Сколько рублей ваша пенсия?

– Сто двадцать, потолок, я ведь робил, а не лежал.

Ирине стало противно от всего этого:

– Выпишите его немедленно, а жену привезите на скорой. Пусть в терапии ее немножко поддержат.

На утренней планерке невропатолог проинформировала, что привезли мужчину с явными признаками навязчивой идеи, рассказывает, что рано утром выехал в город на своих «Жугулях», только хотел обогнать «Камаз», как вдруг из-под него выскочил мотоциклист, осветил его фарой. От столкновения ушел, резко свернув в кювет. Кто вытащил, как домой вернулся – ничего не помнит, трясется и твердит о мотоциклисте.

Врачи переглянулись: такое вообще впервые. Невропатологу главный посоветовала проконсультироваться со специалистами областной больницы, и пока никаких радикальных мер не принимать. После обеда к ней вошел молодой человек, явно водитель:

– Мне сказали, что этот чудик у вас лежит.

Ирина ничего не могла понять:

– Какой чудик? Вы кто?

– Объясняю: я водитель Сельхозхимии, возим в колхозы и совхозы удобрения. Другой раз приедешь ночью, кладовщик ангар откроет, а там темно, как... в общем, нет света. Вот мы и ставим дополнительную фару сзади, когда в склад заезжаешь, включаешь – все как на экране. В то утро пошел я на город, и «жигуленок» пристроился сзади, идет на дальнем, слепит, и обогнать не собирается. Ну, я его и пугнул этой фарой, думаю, поймет, что мешает. Пугнул, оглянулся – нет его. Километра три проехал, аж похолодел: он же разбиться мог. Я назад. Подъезжаю, машина в кювете, он на большаке, трясется весь, аж зубы стучат. И рассказывает мне с пято на десято про мотоцикл. Он мою фару за мотоциклетную принял и круто вправо ушел. Я его вытащил, и домой отправил. Постоял, проверил, нормально идет. А сегодня слышу эту байку, и что мужик умом тронулся. Так вы ему внушите, что не было мотоцикла, фара это.

Ирина улыбнулась, но тут же серьезно:

– Придется вас в милицию сдать.

– Да кто же мог подумать товарищ доктор! Не сдавайте, у меня свадьба в субботу, а если посадят?

– Свадьба, говоришь? А невеста кто?

– В садике с ребяташками. Приходите, будем очень рады. Регистрация в 12 часов, а потом уж застолье.

– Хорошо. На свадьбу не обещаю, а за то, что не бросили человека в беде, никуда заявлять не буду. Мы его быстро на ноги поставим. Иди уж, жених!

– Спасибо, доктор! До свиданья!

Истории веселые и грустные, с последствиями и пролетающие мимо. Каждый день.

***

Едва подмерзла земля, на Гнилое болото пригнали бульдозеры и экскаваторы. А накануне начальник мелиоративной станции пришел с предложением.

– Смотрите, Ирина Николаевна, на местности его почти не видно, но на старых картах сохранился ручей, он буквально в ста метрах от болота и уходит в сторону Безымянного озера, в трех километрах от райцентра. Озеро никак не используется, рыба в нем изросшая и остистая, мужики брезгуют, но на охоту ездят, камыш там густой. Что мы надумали? Начнем сейчас

рыть, выступит вода, и куда с ней? А вот в ручей! Надо – я его углублю, чтобы сток был. Это ускорит наши работы, чтобы к весне заполнить котлован чистыми талыми водами. Как вам такой план?

Ирина пожала плечами?

– Вы же специалист, вам виднее.

Мелиоратор проворчал:

– Виднее! Понятно, что не с бухты-баракты пришло решение, так вы бы хоть похвалили.

Ирина смутилась:

– Простите, Геннадий Григорьевич, я совсем закрутилась. Конечно, спасибо за оригинальное решение. Скажу вам по секрету: в декабре юбилей нашей больницы, предложила Николю Петровичу собрать всех наших заговорщиков и отпраздновать, заодно и первые итоги подведем.

– Вот это дело! А то взялись за какой-то масштабный проект, а кто что делает – тишина. Там разговоримся. Значит, принимаете мое предложение?

Ирина встала и пожала гостю руку. И тут же вошел Хевролин, аккуратно обогнул ковер, видно было, что был на стойке, сел на стульчик.

– Ирина Николаевна, как у тебя со спиртом?

Она засмеялась:

– Нормально, Николай Петрович. Вам нужен спирт?

– Нужен, Ирина, и в приличных количествах. В леспромхозы без бутылки не заходи, к снабженцам на базы – такая же история. Мужики слезьми плачут: расходы на застолья приличные, надо списывать, а у нас и без того все работа из трех П.

Ирина переспросила, Хевролин расшифровал:

– Ирина-Ирина, все через договоренности, а бумаги составлять – три источника: пол, поток, палец. Надо поговорить с Семовских, чтоб выделил тебе дополнительно пару фляг. Я бы и сам, но, знаешь, предмет разговора мутный, подумает, что задурил старый друг.

Она черкнула в рабочей тетради и предложила:

– Давайте по стройке пройдем, по всему кольцу.

– Смотри, сапожки примараешь, что женихи подумают?

Ирина насторожилась:

– Какие женихи, Николай Петрович?

– Пошли, дорогой расскажу.

И рассказал, что третьего дня был у него директор дома культуры, мужчине под тридцать, холост уже в который раз, трезвый, красивый, на аккордеоне здорово играет. И поет. Спросил напрямую, не согласится ли председатель райисполкома пойти сватом, уж больно нравится певцу главный врач больницы. Чуть не на коленях умолял, пришлось прикрикнуть, что предрик – не сваха своим подчиненным, а если душа горит – собирай самодеятельность и в больницу, серенады под окном главного петь.

– Так что жди в ближайшее время.

Ирина было засмеялась, а потом спросила:

– Николай Петрович, а если в самом деле придут? Ведь не выгонишь. И как себя вести?

– Надо бы на этот случай бойкую подругу иметь, она бы отшила, как полагается, без скандала. А лучше пока закрывайся с вечера, если кто и стукнет, чужим голосом скажи, что она в область уехала. А то приглядишься, может, и в самом деле сосватаем?

Оба захохотали.

– Нет, Николай Петрович, мой жених пока в резерве.

Вышли на болото, два бульдозера нарезали русло, по которому болотная жижа уйдет по ручью, а три экскаватора вгрызались в рыхлый мокрый грунт, забрасывая в кузова «Кама-

зов» ковш за ковшом. Подошли к первой строительной площадке, навстречу вышел Иван Сергеевич Еремеев. Ирина подошла, обняла старого друга за плечи:

– Как вы, Иван Сергеевич, как Клавдия Петровна?

Еремеев кивнул:

– Ничего, я в работе забываюсь, мать тоже как-никак. Гриша у меня извелся совсем. Ему предложили солидный перевод в северный район, он отказался. Из-за нее. Приезжает каждый выходной, сначала с товарищем за рулем, потом и сам. Про вас спрашивал.

Ирина от неожиданности покраснела, смутилась.

– Передавайте поклон Григорию Ивановичу.

– Передам. Ты бы приехала как-нибудь в субботу, банька у меня крестьянская, посидели бы за столом да подумали, как дальше жить. Не стану скрывать Ирина Николаевна, а вы бы с Гришкой красивой были парой.

Ирина молчала. Давно возникшее и тщательно скрываемое от самой себя расшевелил этот добрый человек. Как она может? Его жена умерла в ее больнице, умерла надежда на младенца. Как? И не находила ответа. Значит, никак. И тут не судьба. Ирина не заметила, что заплакала. Еремеев обнял ее, стиснул в плечиках:

– Не будем спешить, все само собой образуется. А ведь мать-то со мной согласна, вот в чем интерес. Ладно, о деле. Мы с Алексеем Павловичем на пару взяли за хирургическое отделение, так оно у тебя помечено. Фундамент решили литой делать, никак не можем с бетоном решить. Но литой, если хорошо сделан, не уступит, подушки-то мы все равно закладываем. С кирпичом я договорился, начали возить, вот наши кучки. Только потаскивают, хозяйка, материалы, все во времянку не спрячешь. Сторожа надо ставить.

Подошел Хевролин, поздоровался:

– Шесть объектов в работе, невиданное дело. За зиму стены можно сложить, как думаешь, Иван Сергеич?

– Все можно, Николай Петрович. Меня в первый месяц войны призвали, и вместо фронта дальше в Сибирь. Сперва пилораму установили, из досок сколотили бараки, стали площадку готовить, а под что – не говорят. Станки привезли, бетонные основания надо заливать, а мороз под тридцать. В трех кострах котлы с водой стояли, тут же бетон мешали, арматуру резали и заливали. Масса еще не взялась, а уже станок огромный двумя кранами мостят, одели на толстые анкерные болты, затянули гайками, а электрики уж подключают. Танковый завод привезли, и надо собрать в месяц, а чтоб к новому году уже танки дал. Скажи сейчас – не поверят, а ведь дали. Уже потом стены выложили, тепло завели. Сколько хороших людей там полегло от простуды и недоедания, плохо кормили, пока начальника снабжения не расстреляли. Воровал, сукин сын, и торговал в городе. А ты говоришь – стены. Выложим, и перегородки сложим, а по теплу крышу, окна и двери. Все надо потихоньку, с толком. Напарник мой Алексей Павлович, тут был, да уехал, наверно.

***

Утреннюю планерку закончили под дружный смех, дежурный врач, сдававший смену, спокойная и сдержанная Агриппина Валерьевна, в конце сообщения сказала, что уже утром пришлось отваживаться с патологоанатомом.

– Перебрал лишку? – поддел кто-то.

– Я бы не сказала, в обычном состоянии, но он прибежал в приемник в полусознательном состоянии, ничего не могли добиться, пока не ввели успокоительное.

Патологоанатомом от райотдела милиции работал вышедший на пенсию по выслуге лет хирург Спиринов Анатолий Филиппыч. Фамилия дала ему прозвище, и все коллеги беззлобно звали его просто: Аспиринов, да он и не обижался. Выпить любил, с утра уже чуть поправленный,

а к вечеру уже никакой. Так называемая «анатомка», просторная изба, была на самых задворках больницы, Анатолий Филиппыч приходил рано утром, снимал висячий замок, широко открывал дверь и кричал: «Ну, как ночевали, покойнички?». Как сам объяснял, фразу эту придумал, чтобы не молчать, одно дело живого человека резать, совсем другое в темноте к покойнику заходить. Накануне вечером случилось ДТП, трое пьяных парней перевернулись на мотоцикле с коляской. Двое отделались ушибами, а третий, известный выпивоха Зюзя, сидел в коляске, вынули без признаков жизни, положили в скорую. Дежурный хирург Шиманов торопился на операцию, мельком глянул: пульса нет, зрачки не реагируют, махнул рукой и убежал. «Что он сказал?» – спросила фельдшер. «Ничего», – ответил водитель, – махнул в сторону покаянки». Зюзю увезли в морг, Аспирина гаишники позвонили, что утром нужен будет акт вскрытия.

Был конец сентября, ночи холодные, Филипп Филиппыч в легоньком пальтишке изрядно промерз, как всегда, открыл дверь: «Ну, как ночевали, покойнички?». «Да так бы ничего, только холодно!». Обомлевший Аспирин хлопнул дверью и, не помня себя, влетел в приемное отделение. Шофера скорой и кочегары котельной пошли проверять, а навстречу им Зюзя, живой и невредимый. «Совсем оборзели начальники, в палатах ни матраса, ни одеяла, да к тому же не топят!».

Все разошлись, раздался длинный телефонный звонок.

– Здравствуй, Ирина Николаевна.

– Здравствуйте, Юрий Николаевич!

– Видишь, как у нас все складно получается. Рассказывай, как работается?

– Могу доложить, Юрий Николаевич, что шесть корпусов строится, все трудно, не хватает материалов, особенно сложно по кирпичу и цементу. Дают в вагонах, руководители нанимают тюрьму, заключенные, бедные, сознание теряют, а как потом от пыли освободиться в их условиях?

– Ну, ты на жалость не нажимай, зеки из всех проблем найдут выход. Я уже говорил с Хевролиным, он в курсе, и тебя хочу предупредить. Кто-то телегу накатал на ваш район, что ведете незаконное строительство. Председатель облизполкома человек новый, москвич, приехал строку в биографию получить, создал бригаду и направляет завтра к вам. Ты будь ближе к Николаю Петровичу, он сегодня на бюро райкома все доложит, тебя пригласят. Самое главное, чтобы никто не попался на злоупотреблениях, остальное можно объяснить. И еще. Дает нам министерство одно место на курсы повышения квалификации главврачей городов и районов. Хотел тебя направить, ты ведь уже вторую пятилетку без отпуска, отдохнула бы, но ведь откажешься.

– В такой ситуации, конечно, откажусь. Не могу же я своих мужчин оставить, вместе будем от комиссии отмахиваться.

– Молодец, по-мужски рассудила. Ну, учеба от тебя никуда не уйдет, да и нужна ли она тебе? Ты и без того на пятилетку другие районы обходишь. Ладно, не зазнавайся, а за комиссией я буду следить.

Вечером в райкоме собрались все, кто был связан с проектом «Больничный городок». Хевролин коротко сообщил о приезде комиссии и попросил еще раз проверить документацию, связанную со стройкой, прямо сегодня ночью, потому что комиссия прибывает утренним поездом, и у нас будет к началу рабочего дня.

Алтуфьев был очень серьезен:

– Мне только что звонил первый, я ему все объяснил. Большой трагедии он не видит, понимает, что доброе дело решаем всем миром, но предупредил, что в комиссии много финансистов, малейший зигзаг в сторону корысти – партбилет на стол. Я не стал уточнять, чей, могу предположить, что и мой. Потому прошу: будьте бдительны, если есть какой-то грешок –

закройте сию минуту. Объяснить можно все, кроме жульничества. И чем оно мельче, тем гнуснее.

Утром комиссия в полном составе была в кабинете Хевролина. Начальник контрольно-ревизионного управления Нестеров, хороший знакомый Николая Петровича, начал с шутки:

– Мы сегодня чуть не весь автобус из города на ваш район забронировали, давненько таким составом не ездили, так вот, наши шутят: что же такого натворили в Пореченском районе? Поделись, товарищ председатель.

– Вы знаете, товарищи, что район наш активно развивается, каждый год прирост всех видов продукции от пяти до десяти процентов. Население растет почти на тысячу в год, к нам едут люди из других регионов, но и мы сами стараемся, рождаемость до шестисот ребятишек в год. А социальная сфера отстает. Мы понимаем, что государство все средства бюджета направляет на развитие топливно-энергетического комплекса, потому изыскиваем внутренние резервы. И вот появился проект «Больничный городок», идея хорошая, два объекта нам удалось включить в план, понятно, что не роддом и поликлиника, а общежития в хозяйствах, но мы на это идем. Еще четыре объекта восемь хозяйств, попарно, делают хозяйственным способом, то есть, от гвоздя до бетона изыскивают на стороне. Люди к проверке готовы, все документы будут предъявлены членам уважаемой комиссии.

Вместе с Хевролиным распределили людей, машинами исполкома, райкома и сельхозуправления развезли по хозяйствам. Договорились, что все соберутся после первых двух дней работы.

Алексей встретил своих гостей в кабинете, предложил чай, сказал, что обедать лучше с половины первого, а ужинать в семь часов, тогда меньше посетителей. Комендант предупрежден, гостиница готова.

– Бухгалтерия на первом этаже, все документы по больничному объекту ведет один бухгалтер, так надежнее, ничего не напутаешь. Она вас ждет. Я буду к пяти часам, если вдруг вопросы. Все, желаю вам успешной работы.

В обед Хевролин начал обзванивать директоров.

– Как у тебя, Яков Лукич? – нервно спросил Стукалина.

– Да задержали, Николай Петрович, задержали: это почему, да это откуда?

Хевролин не выдержал:

– А ты какого хрена ихние юбки пасешь? Я вчера ясно сказал: руководители занимаются своими делами, и раньше пяти часов в конторах не появляются, что не возбуждать интерес. Что молчишь?

– Да не успел уехать, только спустился вниз, главбух бежит: «Требуют!».

– Ну и отдувайся, коли сам влип! – и бросил трубку.

Из других руководителей удалось перехватить Карповича, начальника участка мелиорации.

– Ко мне, Николай Петрович, никаких вопросов. Дободалась до меня дама бальзаковского возраста...

– Какого возраста? – не понял Хевролин.

– Среднего. «А с каким экономическим расчетом вы роете котлован под будущий пруд?», – интересуется дама. Я поясняю: «Экономическая эффективность не столь очевидна, пока не начнет объект функционировать, так и говорю, ей Богу! – не вру! – функционировать по полной программе. А это значит: приехали вы на берег, день жаркий – пожалуйста, в тень платанов или пальм, или фиговых деревьев, а нет – берите лодку и плавайте среди лилий и балаболки. Она интересуется: «А что за цветы – балаболки?». Отвечаю: растут парами, одна мужская, другая, напротив, женская, раз в сезон они оплодотворяются, и кто это видел, тот никогда не забудет. А муж ваш тем временем с обширных плантаций самых экзотических цветов наре-

жет вам огромный букет хризантем, барбарисов и особых интимных цветов, понюхав которые, вам тут же захочется покинуть сие многолюдное место и уединиться где-нибудь за пределами больничного городка. И отсюда начинается экономическая и социальная эффективность вот этой грязи, которую мы сегодня ворочаем. Николай Петрович, дама заприхотывала, сделала мне ручкой и сказала, что никакими пошлыми бумагами она после столь чудесного рассказа заниматься не хочет!

Хевролин вздохнул:

– Ох, и трепло ты, Геннадий Григорьевич, прости за прямоту! Ну, а если она про эти балаболки на совещании начет рассказывать, куда мне бежать? Ты зачем в гидротехники пошел? Тебе надо было к Райкину, и хохмили бы на пару. У тебя и фамилия как раз.

– Нет, Николай Петрович, я хоть и Карпович, но бульбешник, сало и картошку люблю, я бы на этой сцене сдох с голоду на сосисках да коктейлях.

Вечером встретились с Нестеровым, Петр Иванович не улыбался и не шутил. Старый и опытный финансист, он понимал, что руководители района идут на «обходные» решения не от хорошей жизни, понимал и то, что строительство хозяйственным способом держится не только на инициативе и самодеятельности, но и на неких связях с заводами и оптовыми базами, где самый дефицитный материал можно на каких-то условиях, явно небескорыстных, получить без фондов и чуть ли не за наличный расчет. Таким образом, вроде бы благое дело подрывает плановую экономику, ведь кто-то не получит тот кирпич и тот бетон, который уже увезли на больничный городок. Схема не новая, прозрачная, но не наша, не советская. Нестеров понимал, что, если его сотрудники выйдут на столь серьезные обобщения, то Хевролину с кампанией мало не покажется.

За чашкой чая он вкратце рассказал о своих опасениях хозяину кабинета, тот кивнул:

– Понимаю и тебя, Петр Иванович, за наши грехи ты свою шею подставлять не будешь. Я-то ладно, снимут, переживу – дело жалко. Такое великое дело загубим из-за фитюльки, бумажки, которой нет, или написана не так, как надо.

– Ты вчера говорил о генеральном плане застройки больничного городка, он у тебя есть?

– Он у главврача.

– Позови ее, а то как-то странно получается: все на нее работают, а она в стороне.

Через десять минут Дзюбина уже была в кабинете предрика, закрепила на стене огромный лист с планом застройки и обратилась к Нестерову:

– Вам с самого начала?

– Пожалуй. С удовольствием послушаю.

Хевролин заметил, что с появлением женщины Нестеров приободрился, повеселел. Ирина Николаевна подробно рассказала о пруде с лодками и карпами, о лесных аллеях из разных деревьев, о цветниках, потом перешла к комплексу зданий, которые огромным разомкнутым овалом расположились вокруг этого оазиса.

– Вы, дорогая моя, представляете, в какую сумму выльется это строительство? – мягко спросил Нестеров.

– Не представляю, но Юрий Николаевич Семовских уже сказал, что обеспечение оборудованием съест весь бюджет облздрави.

– Вот видите! И, тем не менее, мы будем поддерживать ваш проект, потому что хватит жить в хижинах, Николай Петрович, хватит прибежаться, хиленькими прикидываться. Мы богатейшая держава, в конце концов! Дай мне телефон.

Он долго набирал номер, долго ждал ответа. Наконец, мужской голос:

– Слушаю!

– Добрый вечер, Федор Яковлевич.

– Здравствуй. А ты откуда звонишь?

– Как откуда? От Хевролина. Вы же направили нас всем составом проверить, что они творят, по той несчастной жалобе.

– Ты уже акт составил?

– Какой акт, Федор Яковлевич, какой акт! Не будет никакого акта, это я тебе говорю, главный ревизор области! Да они делают завтрашний день! Они разработали план строительства больничного городка, объединили силы всего района и очень активно действуют. Я не только поражен, я восхищен их работой!

– Петро, ты не за коньячком сидишь?

Нестеров запыхтел, явно обиделся:

– Не по делу ты меня, Федор Яковлевич, я хотел предложить оставить человека три-четыре, а остальным вернуться к работе на месте. Уверю тебя, мы просто мешаем людям работать.

Трубка долго молчала, Нестеров даже вспотел, наконец, густой бас появился:

– Я принимаю твоё предложение, но под твою ответственность, чтобы не было грубых нарушений. Ты понял? Передай привет Хевролину. А если без коньяка, то просто глупо.

Нестеров положил трубку и улыбнулся:

– Заведующий обфинотделом дал добро. Значит, стройке вашей быть.

Ирина даже прослезилась:

– Замечательное решение, спасибо вам, Петр Иванович!

Хевролин достал из шкафа рюмки, шоколад, разлил коньяк, поднял бокал:

– Тогда за успех нашего дела, товарищи!

***

Перед Новым годом лепили Еремеевы пельмени, любимое кушанье покойной Софьюшки. Об этом молчали, потому что Иван Сергеевич однажды приобнял плачущую Клаву свою и строго сказал:

– Все, боль моя, довольно её душу беспокоить. Одна утеха – тело её пречистое омыто и прибрано, и душа, если рай есть, то непременно там, баб лечит от всяких недугов.

– Что ты, Ванюша, там и не болят вовсе.

Иван поневоле улыбнулся:

– Знамо, Клаша, зачем мертвым болеть? Они там вольную жизнь ведут, я как-то в твои книжки заглядывал: коммунизма не надо, вот туда скорей, и все дела.

Клава шутя махнула на него рукой:

– Охальник, безбожник, молиться надо, тогда и жизнь лучше пойдет.

Иван тяжело вздохнул:

– Мне бы сейчас тысяч пятьдесят кирпича да вагон цемента, да плах кубов сто, вот тут бы я не устоял, точно от дива рухнул бы на колени, и, пока парторг не видит, раза три в пол башкой хряснулся бы.

Клава тоже вздохнула:

– Не об том нам с тобой Бога надо просить, а чтобы дал он нашему Гришеньке бабочку приличную.

Муж улыбнулся. Как-то в вечерней постели крепко обнял он чуть располневшую свою Клаву, и она улыбкой ткнулась к нему под мышку, приняла со слезой и стыдом, как в юности. Долго лежала потом у него под локотком, и вдруг шепнула:

– Ваня, я вижу, что тебе врач наш Ириночка глянется, и мне она к душе. Может, познакомить их с Гришей?

Муж помолчал:

– Познакомить не вопрос, только как это сделать, чтобы они оба не здогадались и от неловкости все дело не испортили.

– Ты пригласи ее на Новый год, и Гришу позовем, вот и нечаянный интерес.

– Ага, они оба дурней нас с тобой. Конечно, сразу раскусят, что мы с тобой затеяли. Сконфузим ребят, и весь праздник испортим.

– Ну, на тебя не угодишь, и в телегу не легу, и пешком не пойду. Придумывай сам. – Поцеловала мужа в шею и отвернулась к стенке.

Иван Сергеевич всякие нелепые ситуации придумывал, чтобы свести ребят для знакомства, только ничего толкового не мог изобрести. Перед Новым годом зашел в кабинет Ирины Николаевны. Та выскочила из стола, обняла гостя, помогла полшубок снять, попросила чаю принести.

– Как живете, как здоровье Клавдии Петровны? Рассказывайте!

– Живем, работаем, совхоз большой, дел хватает.

– Да, к тому же еще я свои заботы на вас свалила.

Иван Сергеевич прихлебнул чаю:

– То, Ириночка, заботы общие, никак нельзя нам государство на наше и не наше делить, оборони Бог. Ничего, стены выложим, а по теплу и иные работы легче пойдут. Тебе с оборудованием-то помогут, не обманут?

Ирина уверенно крутнула головой:

– Сам Семовских озабочен, два инженера по снабжению занимаются комплектованием. Я попросила все оборудование и весь инвентарь поставить новый, а наше передать в участковые. Юрий Николаевич морщится, но от своего слова не отступает.

Еремеев кивнул.

– Новый год как собралась встречать? Может, к нам приедешь? Машину в теплый гараж поставим, посидим, на Генсека полюбуемся и по бокалу шампанского выпьем. Клава у меня пельмени такие сердечные делает, нигде ты таких не попробуешь кроме. Приезжай, Ирина!

Ирина молчала. Она понимала нехитрую задумку родителей, но ведь не Григорий же им такое поручение дал, сами придумали. А если он и в уме меня не держал, какой же душой я буду выглядеть!

– Нет-нет, ни за что! – почти выкрикнула она и очнулась. – Простите Иван Сергеевич, я хотел сказать, что мы будем в коллективе праздновать, а мне отрываться нельзя.

Иван Сергеевич кивнул, он понял ее неожиданный выкрик, понял, чего она опасается, и решил, что правильно отказалась бабочка, есть в ней гордость и самолюбие, а все другое решится само собой.

Никакого вечера больница не устраивала, праздник семейный, молодые медички да врачи в доме культуры отгуляют. И оказалась Ирина одна в большой квартире, рядом с нарядной елкой и Дедом Морозом со Снегурочкой, которых ей подарили коллеги. Выкатила столик, поставила вазу с фруктами, два бокала и бутылку шампанского в хрустальном ведре со льдом. Включила телевизор. Вспомнился последний новогодний вечер в институте, большая елка в актовом зале, студенческий инструментальный ансамбль, разухабистые танцы. Она вот так же одна сидела за столиком, редкие чужие парни приглашали ее, она с улыбкой отказывала, а все свои знали: Ирине не до танцев, конфликт с преподавателем раздули и никто не знал, чем это все кончится. После зимних каникул Ирина Дзюбина исчезла. Она не появилась в общестии, не пришла на лекции, да и преподаватели не спрашивали, почему отсутствует. Староста ходила в деканат и пришла с потрясающей новостью: Дзюбину отчислили. Уже через месяц про нее забыли совсем.

От грустных воспоминаний отвлек телефонный звонок, Ирина схватила трубку: что-то в больнице!

– Ирина Николаевна, с наступающим тебя Новым годом, и пусть он станет для тебя самым счастливым, – басил в трубку Иван Сергеевич. – Поклон тебе передают Клава моя дорогая и Гриша, сынок.

– Спасибо вам, мои родные, – со слезами поблагодарила она. – Вам все здоровья и счастья.

Еще через пять минут позвонил Хевролин:

– Ирина Николаевна, дорогой мой доктор, с Новым годом поздравляю тебя, наша труженица. Извини, мы тут в домашнем кругу с родными и друзьями уже приняли по чуть-чуть за старый год, думаю, надо поздравить, пока не растащило совсем. Ты на меня не обижайся, я порой и ругаюсь, только зла никогда не держу. Ну, всего тебе самого доброго!

Потом звонки один за другим. Почти все руководители, задействованные на строительстве больничного городка, поздравили с праздником. Ирина была так рада, так счастлива, что от грустного настроения и следа не осталось. Неумело открыла шампанское, выпила полный бокал, встав напротив большого зеркала и чокнувшись со своим бокалом. И опять звонок.

– Ирина Николаевна, с Новым годом тебя! Не признаешь в нерабочее время? Семовских. Она так обрадовалась:

– Юрий Николаевич, спасибо вам, и вас с праздником, здоровья и успехов в ваших больших делах!

– Ну, что ты, Ирина, какие у меня теперь могут быть успехи? Мои успехи – это ваши удачи и достижения. Я так рад за тебя, рад, что не ошибся и пробил тебя на главного. Скажу тебе по секрету: у тебя большое будущее, большое, я знаю, что говорю даже после третьей рюмки. Ты умница и талант, ты организатор, а у нас таких по стране – на пальцах одной руки. Потому и коммунизм так долго строим, и, похоже, ни хрена из этой стройки не выйдет. А вот из твоей выйдет. Получится замечательный больничный городок, и я не уйду на пенсию, пока не выпью бокал шампанского посреди твоего пруда. Будь счастлива, Ирина, я тебя очень уважаю, а я редко такое говорю. Целую ручку. До свиданья.

Телефон давно пикал, а Ирина все держала трубку. Что за новогодний волшебник голосом Юрия Николаевича предвещал ей великое будущее? И что он имел в виду? Карьеру? Нет-нет, больше никакого движения, категорически, все и без того замечательно. В личной жизни? Но кто сегодня может определить судьбу тридцатилетней женщины в сельском районе? Нет таких. Потому без иллюзий, Семовских очень добрый человек, он искренне хочет для нее счастья, но не знает, что это не в полномочиях заведующего облздравотделом.

Только опустила трубку, и аппарат взорвался звонком.

– Здравствуй, Ирина.

– Здравствуй, Алеша.

– С Новым годом!

– С Новым годом, Алеша.

– Прости, я не помешал?

– Трудно помешать человеку, когда он один.

– А мне иногда мешают. Когда думаю о тебе, и кто-то входит в комнату.

– Алеша, я просила тебя больше к этому не возвращаться. Я знаю, что это трудно, но надо пересилить себя. Твою любовь к чужой женщине может затмить только любовь к детям и их матери. Ты мне очень дорог, ты знаешь про мои чувства все, едва ли у меня будет другая такая любовь, но я еще надеюсь. Давай обменяемся пожеланиями... – Она уже не могла больше сдерживать слез: – Я желаю тебе счастья в твоём доме. А ты пожелай мне такой же чистой и светлой любви, какая была у нас, к другому человеку. Я знаю, это будет. Так пожелай же! – со стоном попросила она.

– Нет, – ответил Алексей. – Я буду всегда ждать тебя.

Ирина опять села в кресло, поджав под себя ноги, и плакала без слез. Впервые за многие годы она уснула, сидя в кресле, ей снилось бескрайнее синее море и плывущий к ней деревянный корабль с белоснежными парусами. Она стояла по колени в теплой ласковой воде и понимала, что это она уже видела в кино, только паруса были алыми и девушку звали иначе, но она не хотела больше думать об этом, чтобы не проснуться, оправдавшись тем, что к доктору может плыть принц только под белыми парусами. Она до боли в глазах всматривалась в лицо стоящего на носу парусника человека, но так и не узнала его. Проснулась от боли в пояснице, с трудом размяла затекшие ноги и перешла на кровать. Засыпая, она вдруг увидела лицо, которое тут же исчезло, и, уже во сне улыбнулась: «Это был он. Я верю, что это будет он».

***

На курсы повышения квалификации Ирина все-таки согласилась поехать, когда по новым промфинпланам хозяйствам сохранили все строящиеся объекты, и можно было успокоиться. Она вообще ни разу не была дальше Урала, если не считать детскую поездку в Артек по путевке, которую ей дали как хорошей ученице из не совсем благополучной семьи. Теперь она решила отомстить прошлому и ехать с комфортом. Купила оба билета в СВ, вошла в купе хозяйкой, на осторожный вопрос о втором пассажире резко ответила, что она будет ехать одна, и, если ей что-то потребуется, она попросит милых проводниц. Девушка дернула плечиками и пожелала счастливого пути.

Родная Сибирь! Глыбами оставшихся от взрывов камней, лежащих так со времени прокладки путей, огрызались нависшие над поездом отвесные стены карьеров. Поезд проходил их медленно, боясь спугнуть, Ирине хотелось рукой дотянуться до стены и переставить некоторые камушки в этой вековой мозаике. Потом поезд вырывался из каменных объятий, и облегченно свистнув, влетал в могучую аллею зеленой тайги, и тогда уже ветки елей и кедров стучались в окна, просясь в тепло вслед за посланными ими ароматами. Ирина приоткрыла окно, и тайга ворвалась в купе дурманящим запахом хвои, смолы, морозного воздуха. Ах, если бы туда, где непременно есть теплая избушка или просто изба с печкой, набитой сухими дровами, как заведено у таежников. В укромном месте спички, от которых дрова занимают мгновение, одаривая тягучим теплом замкнутое пространство избы. А вот и сухари, вот пачка чая, вот в бутылке двести грамм водки. В котелок снег, и на горячую уже печку, снег быстро тает, вода медленно начинает закипать, но надо выбрать момент, когда она поседеет – самое время заваривать чай. Откуда она это знает? Может, читала, а может, кто-то рассказывал...

Равнинная Европа огорчила путешественницу: снежная пустыня с островками деревень, заснеженных и забытых человечеством. Иногда деревеньки становились полустанками с однообразными стандартными домиками и ветхими постройками. В больших городах она одевалась и закупала продукты, местные газеты, сувениры, которые морозоустойчивые женщины наперебой предлагали. Скоро в ее купе скопилось немыслимое количество глиняных, деревянных и берестяных безделушек, они радовали ее, как радовали бы в детстве, но тогда таких забав у нее не было.

Вечером она пригласила в купе своих проводниц, и они оказались очень милыми московскими девушками, с удовольствием пили домашнее вино дела Александра, снабдившего Ирину трехлитровым кувшином, ели домашнего копчения сибирскую рыбу и сало и хвалили подовые калачики бабушки Александры. Раскрасневшиеся девчонки признались, что все время ждали, кто же подсядет в купе красивой женщины, да так и не дождались. А вот подходил один молодой человек, интересовался, просил познакомиться.

– Но, знаете, вы так строго выглядите, что мы не рискнули.

Ирина захохотала:

– И правильно сделали. Ну, скажите, вы в этой жизни крутитесь: какой порядочный мужчина будет искать знакомства с едущей одинокой дамой? Можно с трех раз догадаться, что ему нужно.

– С первого раза можно догадаться, Ирина Николаевна. Простите, вы актриса?

Ирина опять засмеялась, ей было очень весело с этими непосредственными девчонками:

– Второй раз в жизни меня принимают за артистку. Да, первый раз это было в далеком селе Поречье, и теперь уже очень давно. Хотя, девочки, я действительно, актриса, уже несколько лет играю чужую роль, и довольно успешно. Странно, как я раньше до этого не додумалась? Видимо, это дедово винцо повлияло. А теперь, девочки, скажите по правде: полюбили вы женатого человека, да не просто женатого, а еще и с двумя детьми и при солидной должности. И он вас любит до без ума. И готов все бросить ради вас. Как бы вы поступили?

Девчонки задумались. Ирина обрадовалась: значит, не столь простой вопрос, если двадцатилетние девчонки не сразу ответили. Долго молчали.

– Я бы ушла в сторону. Ну, двое детей, родишь ему своих, а он о тех будет страдать. И как на это смотреть? – Девушка покраснела: – Я в самом деле так думаю.

– А я бы увела. Какое мое дело? Он любит меня, я люблю его – кто может нам помешать? Дети? Да они вырастут и все забудут. А ты будешь всю жизнь по нему сохнуть, и ни у тебя, ни у него нормальной судьбы не будет. Что, не так? А вы бы как поступили, Ирина Николаевна?

Ирина не ожидала, что вопрос вернется к ней. Что говорить? Да как есть!

– Я тоже ушла, жалею, но ушла. Я еще надеюсь на свое счастье, имею я право надеяться?

– Да оно и придет, ваше счастье, на белом пароходе подплывет к вашим берегам.

Ирина вздрогнула:

– На белом, говоришь? А если с белыми парусами, так можно?

– Конечно! – разыгрались девчонки.

– Значит, так и будет. Я в новогоднюю ночь такой сон видела, только лица капитана не могла разглядеть.

– Но ведь искали знакомое лицо, правда?

– Да, знакомое.

Девушки захлопали в ладоши:

– Так он и будет, верьте, тем более, что сон новогодний. Ой, побежали, скоро станция, у нас работа. Спасибо, Ирина Николаевна, с вами было очень интересно.

Ирина кивнула:

– Да, а уж мне-то как интересно и полезно, вы и сами не знаете.

Ирина быстро оформила документы в учебной части курсов повышения квалификации, и ей дали направление в общежитие. Комната на двоих, но пока никого нет, она быстро разложила вещи и пошла в душ. За шумом воды не слышала, как вошла в комнату будущая соседка, как она тоже тихо и спокойно разбирала свой чемодан. Ирина вышла в халате, но вдруг смутилась: красивая молодая женщина, ее ровесница, стройная, с копной волнистых каштановых волос, чуть курносая и голубоглазая.

– Извините, я здесь без вас...

– Ну, вот еще! Здравствуйте, меня зовут Ирина.

– А я Зоя. Из Краснодарского края.

– Могу только позавидовать, я сибирячка.

Зоя засмеялась:

– Надеюсь, это не мешает нам дружно прожить месяц?

Пошли в столовую общежития, в день заезда слушателей она работала без перерыва, взяли горячий борщ и мясо по-татарски. Ирина ела с аппетитом, а Зоя, встав из-за стола, заметила:

– Везде подают борщ, а никто по-настоящему готовить его не умеет. Нет, Ириночка, то, что мы кушали, борщом назвать нельзя. Впрочем, как и мясо. Что в нем татарского, вы не заметили?

Ирина пожала плечами.

– Договорюсь с девчонками на кухне, в выходной приготовлю настоящий борщ, в котором ложка должна стоять, как мой муж говорит. И мясо сделаем «степное», какое готовят в чистом поле, на воздухе, на сенокосе. Жаровню кусочком хлеба вычистишь!

Одевая шубку, Зоя повернулась к Ирине:

– Давайте на «ты», правда, чего мы тут будем пыжиться?

Ирина засмеялась:

– Согласна. Что делаем вечером? Может, в кино?

– Нет, в кино мы и дома ходим, просто погуляем по Москве, по центру. Я бы с удовольствием посмотрела смену караула у Мавзолея.

Пока собирались, Зоя рассказала о себе. Работает главным врачом в большой станице, трудно, район огромный, специалистов не хватает, спасает соседний город. Ирина кивнула:

– У нас похожая ситуация, но перспективы есть, я тебе потом расскажу.

Москва поразила провинциалок, мягко катившийся чистенький троллейбус, небольшая толчея при входе в метро, этот страшный эскалатор, по которому обе ехала первый раз. Смеялись, вместе с ними улыбались москвичи. Вагон был похож на читальный зал районной библиотеки: все сидели с книгами и журналами, кто-то уже успел прикупить «Вечёрку». Мимо Исторического музея и ГУМа с огромными яркими окнами прошли на Красную площадь. Ирина потянула Зою за рукав:

– Не спеши. Я тут впервые. Аж сердце заходится.

– Ну да, а я каждый день... Тоже впервые. Может, у меня эмоциональность занижена?

Ты кто по специальности?

Ирина пошутила:

– Гинеколог.

Зоя захохотала:

– То, что надо!

Стоящий рядом мужчина в темном длинном пальто и в шляпе быстро подошел:

– Девушки, вы не на рынке, просьба соблюдать порядок. Это Красная площадь.

Кивнули, поблагодарили, пошли к Мавзолею. Огромная толпа молча ожидала смены караула. Ирина со всех сторон слышала чужую речь – иностранцы, говорили, что они любят фотографировать этот ритуал. Мужчина, явно наш, в шапке непонятного происхождения, по-свойски обратился:

– Похоже, впервые? Тогда вон на те ворота смотрите, оттуда выйдет наряд. А когда подойдет и начнется смена караула, попробуйте уследить, как эти ребята карабины перебрасывают. Чудо, потому и прет иностранщина, нету у них такого святого места и такой торжественной церемонии нету.

Зоя настырно спросила:

– А вы откуда знаете, может, и у них есть?

Мужчина ухмыльнулся:

– Девчонки, я геолог, полмира проехал, чудного везде много, но такого, чтобы за сердце брало и слезу вышибало – нету. Я в этот момент готов сердце свое вынуть и к ногам этих парней положить. Гордость за страну свою в это время чувствуешь, вот что главное. Я детей своих из Якутии специально привожу каждое лето, и внуков буду возить.

Заиграли куранты. Толпа всколыхнулась. Забормотали иностранцы. Притихли в порыве русские. В наступившей тишине четко слышны шаги почетного караула. Нога к ноге, рука к руке, лицами схожи, как родные братья. Карабины плывут в воздухе рядом с солдатами. Подо-

шли, развернулись, поднялись по ступенькам. Замерли. Негромкая команда, и в несколько секунд солдаты поменялись местами, совершив неуловимые движения своим оружием. Обратный проход столь же торжественен и трогателен. Многие прячут платки, иностранцы молча укладывают в футляры аппаратуру.

– Ничего, пусть снимают, пусть сыновьям своим покажут. Сегодня в ГУМе смотрел, как они игрушки выбирали, танки на батарейках, самолеты и прочее. Я сначала возмутиться хотел, а потом дошло: пусть их детки на звездочки наши смотрят и запоминают, какие у нас ловкие танки и могучие корабли. Подрастут, вспомнят и одумаются. Ну, барышни, прощайте, у меня самолет через пару часов.

Через площадь шли молча, у каждой свои думы и чувства. Перед метро переглянулись, вздохнули: «Какая красота, и какая великая сила в этой смене караула!».

Первое занятие провел заведующий курсами профессор со сложным именем Дмитрий Вячеславович Крашенинин. Он сказал, что не должно быть никаких иллюзий по поводу того, что за месяц курсы подготовят из вас настоящих руководителей районного звена здравоохранения, но наиболее общее представление о наших задачах будет дано четко.

– Сельские районы и уездные города – основа нашей страны, я постоянно твержу об этом в российском Минздраве. Со мной соглашаются, но финансирование остается скудным. Почти не строятся типовые районные комплексы, хотя я сам в составе авторитетной комиссии утверждал два или три весьма любопытных проекта. Не думайте, что я не знаю истинное положение, знаю, и довольно неплохо. Знаю, что на селе районная лечебница – это набор кособоких барачков, построенных еще из кулацких амбаров. Теперь вот вообще остановили строительство, все средства двинули на освоение нефтегазового комплекса Сибири. Я не думаю, что это хорошо. Надо разумно сочетать и то, и иное, ведь не война, слава Богу, можно бы как-то расслабиться. Ан нет, нашли очередного врага, пугают друг друга, а народы страдают. Впрочем, я увлекся. Но врач в любой обстановке остается врачом. Мы люди единственной профессии, у которой нет фиксированного рабочего дня. Вот инженер: пропел гудок заводской, как говорится, нарукавники снял и на проходную. Я почему говорю так круто? У меня сын инженер. Явился домой, принял душ, поужинал и на диван. Правда, замечаю, что иногда о чем-то думает, видимо, мозг еще не отошел от проблем кульмана, но, увы, это случается редко. Нет, у меня замечательный сын, он категорически отказался от медицины как таковой, но стал главным конструктором или инженером на заводе медицинского оборудования.

Профессор долго еще говорил о перспективах медицины, о готовящейся в правительстве программе вывода сельского здравоохранения на новый уровень. О проблемах распределения и закрепления специалистов на местах, она социальная и экономическая: надо добротное жилье дать, помочь обзавестись хозяйством, в деревне без этого нельзя, выдать замуж или удачно женить – кто этим должен заниматься? Конечно, главный врач. Да, он хозяйственник, ходок по инстанциям и даже сводник – в хорошем смысле. Вот уже третий состав курсов – молодые люди, тридцать и чуть более лет. Это замечательно, многие из вас будут руководить областными больницами и даже здравотделами, да, так будет. Но не забывайте практическую медицину. Не дело, когда главный врач не ведет прием, если он терапевт, не делает операций, если хирург, не принимает роды, если гинеколог.

Ирина густо покраснела, как будто Крашенинин говорил о ней, но уткнулась в тетрадку, вроде сосредоточенно записывая. Ирина чувствовала, что кто-то на нее время от времени внимательно смотрит, но оборачиваться неуместно, да и ни к чему провоцировать. Скорее всего, какой-то мужичек вырвался из объятий любимой жены и подыскивает себе пару. Профессор пожелал успешной работы, предупредил, что спрос на итоговом собеседовании будет строгий, и попрощался. Ирина с Зоей вышли в вестибюль, посмотрели стенды с фотографиями современных диагностического и лечебного оборудования. Вдруг за спиной она услышала:

– Простите, вы Дзюбина?

– Да, – испуганно ответила Ирина и лихорадочно соображала, откуда этот мужчина?

Он улыбнулся:

– Да, прошло больше десяти лет. Мы с вами учились в одном институте, я на год позже, потому что армия. А потом вы исчезли. Подружки говорили, что вы вообще бросили институт.

Ирина уже взяла себя в руки и усмехнулась:

– Вы не тех подруг спрашивали. Я перевелась в Новосибирск, ну, если угодно – вышла замуж.

Мужчина кивнул:

– Я вас искал, это правда, но в деканате сказали, что вы вообще забрали документы, якобы, вас отчислили.

Ирина кивнула:

– Были там деканатские сучки, простите, которые могли напелсти про кого угодно и что угодно. А искали вы меня, извините, по какому случаю?

Ей надо было во что бы то ни стало прекратить это опасное копание в прошлом, еще неизвестно, где этот хлыщ служит сейчас, вдруг где-то рядом? Нет, Семовских говорил, что место одно на область, значит, чужой.

– Меня зовут Иосиф, я работаю в Свердловской области, есть там такой район – Богдановичи, может, слышали или проезжали. Сразу туда получил распределение и остался. А вас помню, потому что нравились вы мне, да вы всем парням нашим нравились, только всех отшивали, как мне говорили.

– Отшивала, да, потому что в армии служил мой парень, как я считала. А потом выяснилось, что он еще двум кралям письма любовные писал.

– Вы потому и уехали?

– Давайте эту тему закроем? Что мы все про меня да про меня. А вы как? Семья, дети?

Иосиф кивнул:

– И жена, и дети, я иудей, мы рожаем столько детей, сколько дает природа.

– Бог?

Иосиф улыбнулся:

– Сложно сказать. Я не очень верующий человек, тем более, что общины у нас нет.

– Власти не разрешают?

– Просто нет, евреев очень мало, они в основном в Свердловске, а я там бываю раз в месяц.

– Простите, а вот это стремление уехать на Землю Обетованную? Оно вас не коснулось? Говорят, врачей они берут с удовольствием.

Иосиф опять улыбнулся. Ирина только сейчас заметила, что он красив: чуть удлиненное лицо, прямой ровный нос, миндалевидный разрез глаз, а глаза темные и чистые. Волосы прямые, но прибраны на пробор, который ему даже идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.